

Лабиринт Химеры

Автор:

Антон Чиж

Лабиринт Химеры

Антон Чиж

Ретро-детективы Антона Чижа Родион Ванзаров #13

Отставного сыщика петербургской полиции Родиона Ванзарова попросили вернуться на службу – дело настолько сложное, что лишь одному ему оно под силу. И в первый же день расследования Ванзаров... убивает жертву преступления! Или все-таки жертва и до этого была мертва?.. Ответить на данный вопрос не смогла полиция города Павловска, по улицам которого бродила мертво-живая девушка. Загадку произошедшего не сумел разгадать и великий криминалист Лебедев: что-то важное все время ускользало из поля зрения. И продолжалось это до тех пор, пока Ванзаров не внял предостережению таинственного библиографа по фамилии Трупп...

Антон Чиж

Лабиринт Химеры

© Чиж А., 2017

© ООО «Издательство «Э», 2017

1. Из вырванного отрывка

Мая, десятое, года одна тысяча шестьсот первого. Чиновник городского магистрата Дитрих Ванзариус.

События, кои случились в достославном городе Пфальце в тот незабываемый год и повергшие членов магистрата и прочих честных горожан в небывалый трепет, относятся к роду происшествий, о которых любой мыслящий человек не станет говорить вслух, не сообщит дорогой женошке и не будет болтать о них за кружкой доброго пива с дружками. Нет ничего более печального, чем жестокость, проявленная к беззащитным существам. Жестокость тем более чудовищная, что причины ее остались покрыты глубокой тьмой неизвестности, а плоды были столь плачевны и не поддавались человеческому разумению. Те, кого злая судьба заставила стать прямыми свидетелями этих событий, и по прошествии множества лет хранили достойное молчание. Не из-за страха, а по причине радения о нравственности и сердечном спокойствии добрых горожан отцами города было принято мудрое решение вычеркнуть случившееся из всех городских хроник. А до сведения прочих, кто дерзнет их поминать, строжайшим образом довести, что ничего подобного, порочившего честь славного города Пфальца, никогда не было и быть не могло.

И все это неукоснительно исполнялось.

Однако невозможно стереть из памяти истории то, что однажды произошло.

Данное свидетельство точно и правдиво излагает произошедшее, и какими бы ужасными ни казались описанные ниже обстоятельства, они происходили на самом деле и являются историческими фактами...

Итак, однажды вечером, идя из пивной в прекрасном расположении духа, мастерской Ганс Кюхельбахер наткнулся на странный предмет...

Из старопечатной книги без титульного листа, обложки и переплета

Путеводитель

Для господ, путешествующих по местным достопримечательностям Павловска

За год 190 – (оборвано)

Что следует отметить и осмотреть.

Господам путешествующим следует пройти не менее трех мостов, останавливаясь на каждом и делая путевые пометки или быстрее карандашные зарисовки. Наилучший набор английских карандашей для дорожных зарисовок продается в Редакции по цене, которая навсегда станет для вас приятнейшим сюрпризом. При покупке трех наборов для рисования четвертый дарится вам совершенно бесплатно.

Известно, что если пройти через один из мостов и загадать желание, оно может сбыться. Пройдите по всем мостам, загадывая разнообразные желания и отмечая в специально отведенных ячейках оные! Если желания сбудутся, вы имеете шанс выиграть годовую подписку на наш путеводитель! Спешите сообщать о сбывшихся желаниях к нам в Редакцию. Милых дам ожидают дополнительные призы.

МОСТЫ ПАВЛОВСКА:

Бертонов мост

Бастионный мост

Каменный мост

Дворцовый мост

Черный мост

Горбатый мост

Розовый (Олений) мост

Мост Аполлона

Венерин мост

Пиль-Башенный мост

Березовый мост

Ново-Сильвийский мост

2. О пользе путешествий, или Признание домоседства

1901 год, 30 марта. Павловск.

Нет ничего тоскливее вечера в провинциальном городке. Особенно ранней весной. Особенно, когда городок этот под боком столичного Петербурга. Увеселений и театров нет, лавки закрываются засветло, в ресторане при вокзале дремлет редкий гость, улицы пусты и печальны. Грязь зимняя не уступила грязи летней. Белая ночь не вошла в полную силу. Почтенные жители спать ложатся рано. Да и чем заниматься по вечерам? За самоваром на веранде и то не посидеть. Одним словом – не сезон. Летние дачи скучают без хозяев, которые явятся не ранее 1 мая. Городок пустует и, лениво позевывая, дожидается, когда с первыми солнечными днями он наполнится яркими всполохами модных платьев столичных дам и щегольских костюмов господ.

4-я Оранская улица мало чем отличалась от прочих улиц городка. По обе стороны ее располагались одинаковые двухэтажные домики, без архитектурных изысков, зато новенькие и пригодные, чтобы коротать зимы. Вечерний покой расплывался меж ними туманной пеленой.

Впрочем, в одном доме окна были ярко освещены. Случайный прохожий, соблазнившись подсмотреть за чужой жизнью, мог бы заметить, как по комнатам передвигаются силуэты, раздается хозяйственный шум, доносится стук тяжелых предметов и вообще заметна суета, какая бывает перед приемом гостей или сборами в дорогу. Наконец, из дома вышел господин в теплом пальто и огляделся в оба конца улицы. О появлении случайного извозчика нечего было и мечтать. Скорее пролетит комета, чем объявится пролетка.

Зная характер местных извозчиков, господин не поленился дойти до Николаевской улицы и растолкать спящего на козлах «ваньку». Для порядка поторговавшись, извозчик согласился на скромную плату. Господин вернулся домой на пролетке. Вынес на крыльцо небольшой чемодан. Извозчик, кряхтя и жалуясь по извозной традиции, притянул его веревками позади пролетки. Господин выразил недовольство тем, что чемодан торчит кое-как, чего доброго, свалится на первой кочке. Извозчик держался своего мнения: дело свое он знает, не первый год извозит, жалоб не слышал, а потому никуда чемодан не денется. Вступать в пререкания, результат которых был известен заранее, господину не захотелось. Он лишь пригрозил, что в случае потери чемодана не то что не заплатит ни копейки, так еще в полицию сообщит.

Извозчику такие угрозы были привычны, так что в ум их не брал вовсе. К тому же, понимал извозчик, господин этот в городе почти что чужой и вообще не та птица, чтоб в полицию жаловаться.

Господин скрылся в доме. Через некоторое время на крыльцо вышла дама в дорожной накидке с вуалью на лице. Извозчик пожелал ей доброго вечера и даже приподнял в знак уважения потертую шапку. Ему ответили вежливым кивком. Спустя пару минут вышел и господин, запер замок, чем показал неуважение к местной традиции подпирать дверь палкой, помог даме подняться на подножку и сам уселся спиной к извозчику.

Недалекий путь к вокзалу обошелся без происшествий: чемодан не стал добычей уличных луж. Обещав оплату на обратном пути, господин понес чемодан к поезду, лишив копейки перронного носильщика. Паровоз стоял под парами, вагоны по причине весны и последнего отправления в столицу пустовали.

Господин занес скудный багаж в вагон, устроил на пассажирской скамейке и вышел к даме, ожидавшей на перроне. Они обменялись короткими фразами, господин поддержал ее при входе в вагон. Он дождался, когда паровозик дал

свисток, пыхнул облаком пара и, дернув состав, потащил к отстоящему на двадцать пять верст Царскосельскому вокзалу столицы. Господин долго махал вслед последнему вагону, пока тот совсем не исчез в дали рельсового пути. Вернувшись к пролетке, он жестом приказал везти домой. И вскоре подъехал к особняку, из которого отправилась путешественница. Извозчик оборотился и напомнил о плате, на которую подрядился: рубль. Бросив два гривенника, пассажир сошел с подножки.

– Господин хороший, это как же? – произнес извозчик, увидев у себя на ладони монетки по десять копеек.

Ответа не последовало, господин скрылся за дверью дома. Словно сбежал.

От такой обиды извозчик, конечно, выразился цветисто, метко плюнул на крыльцо и, пройдясь кнутом по спине понурой лошаденки, отправился куда глаза глядят, то есть в конюшню. Рассчитывать на новых пассажиров не приходилось. Одним словом – провинциальный городок.

Скрип колес затих за поворотом. 4-я Оранская улица погрузилась в безмятежный сон, как и прочие три.

В доме еще около часа горел свет, но и там хозяин уgomонился. Глубоко за полночь, когда тишина и тьма объяли городок безраздельно, в сад, окружавший дом, проникла еле различимая фигура, которая прокралась к кухонной двери. Послышался негромкий хруст отпираемого замка. Дверь, заделанная на зиму, охнула и поддалась. Оглянувшись, черный силуэт проник в дом.

Более ничего не нарушило ночной покой.

3. О падении нравов вообще, «O tempora! O mores!», так сказать

1902 год, апрель.

Печальные происшествия, случившиеся ныне, дали повод газетным репортерам для зажигательных статей, которыми они веселили публику. Так, они сообщали: «18 марта в Москве было совершено покушение на обер-полицмейстера города Трепова. В начале второго часа дня, во время приема просителей в обер-полицмейстерском доме из толпы просителей вдруг стала протискиваться неизвестная женщина, на вид около 30 лет, одетая в черную юбку и кофточку, и, растолкав, насколько было возможным, стоявших впереди нее, направила руку с револьвером на генерал-майора Трепова. Она два раза спустила курок, но, к счастью, выстрела не последовало. Оба раза револьвер давал осечку. Револьвер старый, малого калибра, оказался заряженным шестью зарядами. Преступница арестована».

Выяснилось, что покушение совершила слушательница женских курсов, домашняя учительница, некая барышня Алларт. Дурной водевиль состоял в том, что 9 февраля она была задержана в Университете при студенческих беспорядках, а за три дня до покушения на обер-полицмейстера освобождена по его личному распоряжению, которое он дал, будучи растроганным слезами ее матери и болезненным состоянием самой смутьянки. И как она отплатила за милость!

Мало того! 2 апреля случилось преступление чудовищное, на которое газетчики накинулись, как голодные волки. Они доносили: «Около часа дня при входе министра внутренних дел Сипягина в помещение комитета министров, в Мариинском дворце приехавший за несколько минут до этого в карете и ожидавший министра в швейцарской неизвестный человек в военной офицерской форме, подавая запечатанный конверт, произвел в министра четыре выстрела, убив Сипягина и тяжело ранив его егермейстера». Раненого доставили в Максимилиановскую лечебницу, но от полученных ран тот скончался.

Преступник не пытался скрыться, а отдал себя в руки полиции. Им оказался некий Степан Балмашёв, член боевой организации эсеров. Вместо раскаяния он потребовал над собой суда и расстрела. Никакие уговоры, не исключая слез его матери, на убийцу не подействовали.

Корень зла, как видимо, заключается в том, что газетам дали слишком много вольности. Одни пишут о чем ни попадя, другие читают до одури. Результатом является то, что у читающей молодежи окончательно свихнуты мозги. Все это творится при полном попустительстве полиции. Чего же мы еще хотим!

4. О пользе ночных прогулок

1902 год, 25 апреля. Павловск.

Вечер обещал быть чудесным. И никаким другим быть не мог. Василий Ильич Антонов ощутил это своим большим и, в общем, незлым сердцем. Причин для такой счастливой уверенности было множество. Начать с того, что в Павловск явилась окончательная весна. Белые ночи стали теплы, в воздухе густо пахло молодой зеленью, покрывшей ковром дворцовый парк, сады при дачах и улицы городка. Потерпеть меньше недельки – и начнется сезон, а вместе с ним бурление жизни, очаровательные дамы, приятные встречи, концерты в Павловском воксале и всякое такое прочее, чего Василий Ильич ожидал со сладким нетерпением. И вовсе не как провинциал, тосковавший по солнцу столичных развлечений.

Василий Ильич Антонов занимал счастливую должность Управляющего городом Павловском, да-да, именно так здесь именовался городской голова. Хоть в подчинении у него было наперечет чиновников и дворников, но статус обязывал показываться в сезон везде и быть в курсе всего. Каждой весной Василий Ильич превращался из зимнего ленивца в деятельного и энергичного джентльмена, который следит за чистотой своего костюма и свежестью бутоньерки в петлице. Все лето его можно найти в самых людных местах, каждой приятной даме, особенно молоденьким барышням, он изысканно отвешивает поклоны и желает самого доброго денька. Когда в Павловском воксале случался большой концерт, Василий Ильич, ни за что при организации концерта не отвечавший, всегда старался быть на виду, отдавая распоряжения и замечания не для того, чтобы их исполняли, а чтобы высокое начальство и придворные, непременно бывавшие на таких важных событиях, видели, как печется хозяин города о всяком деле. Пускать пыль в глаза и казаться нужным там, где это совсем не требовалось, Василий Ильич научился виртуозно. Да и как иначе удержаться на таком сладком месте, до которого найдется много охотников с влиятельными родственниками.

Павловск имел немного странную судьбу. Возникнув вместе с Большим дворцом, он так и не стал полноценным городом. Вся слава, забота дворцового ведомства и деньги достались его старшим родственникам – Царскому Селу и Гатчине. На долю же Павловска приходились сущие крохи. Несмотря на роскошный парк со статуями и памятниками, живописными пейзажами и чудесными постройками в средневековом стиле, Павловск никак не дотягивал в общественном мнении до планки престижного и модного места. Конечно, все помнили, что тут давал концерты великий Штраус, что половина дач принадлежит знаменитым и влиятельным фамилиям. Однако эти козыри никак не давали городку сыграть блестящую партию. А потому Василию Ильичу приходилось использовать всю верткость своей натуры, чтобы на финансовые крохи держать улицы в некотором порядке и себя не забыть.

Жители города и тем были довольны. Постоянное население составляли отставные военные невеликих чинов, бывшие чиновники, мелкие ремесленники и обыватели, которым доходы не позволяли проживать в столице. В основном люди тихие, спокойные, семейственные, с детьми и внуками, скромные в запросах и интересах. В городе не было ни книжного магазина, ни библиотеки, театр открывался только летом, аптека была одна, а торговля, не считая мелочных лавок, умещалась в Гостином дворе, похожем на петербургского родственника на Невском проспекте, как мушка на слона. Управляя скромными средствами скромного городка, Василий Ильич Антонов научился радоваться малому, особенно наступлению лета.

Нынешним вечером у Василия Ильича была еще одна веская причина чудесного настроения: очередное заседание «Комитета попечительства о народной трезвости» прошло чудесно. В состав Комитета, кроме самого Василия Ильича, входили исключительно приятные господа, а именно: полицмейстер города Павловска Сыровяткин, главный врач местной больницы Дубягский, брандмейстер казенной пожарной команды при Павловской полиции Булаковский и еще несколько не столь значительных господ. Комитет столь рьяно пекся о народной трезвости, что члены его после заседания неизменно расходились в прекрасном расположении духа, с румянцем на щеках, лобызаясь друг с другом на прощание. Какой безобидный напиток приводил членов Комитета в такое расположение духа, было покрыто тайной, впрочем, как и закуски, которыми господа заседающие подкрепляли борьбу за трезвость народа.

Ощущая в душе и желудке полную гармонию, а в голове особую легкость, которую Василий Ильич приписывал исключительно весне, он вздумал прогуляться по вверенному ему городку, чтобы запашок заседания выветрился и не пришлось выслушивать критические арии дорогой супруги. Василий Ильич неторопливо шел по Садовой улице, примыкавшей к дворцовому парку, с гордым удовольствием поглядывая по сторонам. В волшебном полумраке белой ночи, скрывавшей мусор и облупленные стены, городок казался особенно милым.

В этот час спутниками Василия Ильича были ночные тени. Обыватели городка давно смотрели сны среди перин и подушек. Даже легкого беспокойства ночная прогулка в Управляющем не будила. Происшествий тут не случалось днем, не то что ночью. Полиция буквально изнывала от безделья, разве что страшила извозчиков или ловила за руку мальчонку, польстившегося на яблочко среди базарных рядов. Василий Ильич знал, что где-то за домами обязательно стоит городской, охранявший покой пустых улиц. От этого миропорядка, устроенного его заслугами, в душе Василия Ильича прежде времени расцветали кусты сирени.

Впрочем, цветение их было недолгим. В шагах десяти Василий Ильич заметил силуэт, который не то чтобы двигался, но и не стоял на месте. Прищурившись, Василий Ильич различил, что силуэт женский. Некоторая расплывчатость его происходила оттого, что на даме была широкая, вроде плаща, накидка-пелерина с капюшоном, длиной в пол. Точнее – в тротуар.

Одинокая барышня на ночной улице взывает к рыцарскому долгу и куда более трусливые натуры. Желание защититься от любой опасности, которой взяться неоткуда, проникло в сердце Управляющего. Василий Ильич гордо расправил плечи и нагнал даму в накидке. Чтобы не напугать милую, как он заранее решил, особу, Василий Ильич в шаге от нее вежливо кашлянул и спросил разрешения обратиться. Столь вежливое обхождение ночью должно было успокоить трепет женского сердечка. На что Василий Ильич и рассчитывал.

Он ждал, что сейчас к нему обернется милое личико, и уж тут он покажет рыцарство во все красе. Приятную загадку представляло то, что Василий Ильич не мог узнать, кто прячется под плащом. Не то чтобы он поголовно знал всех жительниц Павловска, особенно со спины, но, как часто бывает, проживая в одном городке, начинаешь узнавать своих по походке. Эта незнакомка явно была не из местных. Ранняя дачная пташка, а то и особа из дворца!

Василий Ильич опять напомнил о себе вежливым вопросом. Особа в накидке не пожелала обернуться, она стояла, подпрыгивала на одной ножке. Такое поведение немного огорчило Василия Ильича. Как человек, знающий себе цену, он не стал тянуть церемонии, все-таки не в столице, и обошел даму. Склонился в исключительно вежливом поклоне и выпрямился, ожидая увидеть улыбку в ответ на свои действия. Где-то в глубинах фантазий Василий Ильич надеялся, что незнакомке захочется с ним пококотничать.

Темнота немного скрадывала то, что открылось ему. Василий Ильич опять сощурился, не в силах понять, что же такое привиделось. А когда он убедился, что зрение не обманывает, изумление его стало столь глубоким, что Василий Ильич так и стоял, не в силах пошевелиться или позвать на помощь. Разум Управляющего отказывался верить в то, что видели глаза его. Зрелище, открывшееся под распахнутой накидкой, было столь невозможно, дико и немыслимо, что выходило за границы человеческого понимания. Воля, куда более крепкая, чем у Василия Ильича, зашла бы в тупик. Что делать человеку, когда на пустой ночной улице он встречается с явлением, не поддающимся осмыслению? Только отдаться животному инстинкту.

За три квартала от Садовой улицы скучал городской Никитин. Его ждала долгая ночь на посту и борьба с наползающим сном. Как вдруг откуда-то из-за домов долетел странный звук. Городовой прислушался. Так кричит раненый зверь, который бьется за свою жизнь без надежды на спасение. Зверям в Павловске быть не полагается, в его окрестностях даже волков нет.

Городовой повертел головой, чтобы определить, откуда доносится вопль. Еще раз послушав, он пришел к выводу, что все-таки это был человеческий вопль. И доносился он со стороны дворцового парка. Что там могло случиться, Никитин представить не мог. Особых нарушений порядка пока не наблюдалось, о помощи никто не взывал, два тревожных полицейских свистка не раздались, городской имел законное право сделать вид, что ничего и не случилось. Тем более вопль сам собой затих.

Все-таки простое человеческое любопытство оказалось сильнее полицейских правил. Никитин побежал по направлению, откуда, как нарочно, снова раздался странный звук. Только был слабее, тише и отчаянней.

5. Муки достойного выбора

1902 год, 26 апреля. Рано утром.

Директор Департамента полиции Сергей Эрастович Зволянский плохие известия получал сразу. В последнее время обычный поток стал чрезмерным, как весеннее половодье. Того и гляди утопит.

Мало того, что в университетах брожение, мало того, что там и тут вспыхивают крестьянские бунты и полыхают имения, так еще покушение на московского обер-полицмейстера, и уж самое невероятное – убийство начальника, министра внутренних дел. Того и гляди добрые языки при дворе начнут нашептывать: дескать, директор не справляется, власть ему дана огромная, а результаты плачевные, не пора ли подобрать кандидата более достойного?

Отвечать языкам было затруднительно. Формально власть у Зволянского была огромной. Кроме самой махины общей полиции, призванной защищать столпы правления, а вовсе не рядовых граждан, под столпами стонущих, в его ведении было Отделение по охране общественной безопасности и порядка, иначе говоря «охранка», жандармский корпус и самый секретный, Особый отдел Департамента полиции. Однако власть имеет такое свойство, что прибрать ее к рукам хотят многие. Потому этими грозными учреждениями распоряжаться пытались кто угодно. А за результаты их стараний отвечать должен был Зволянский. Директор всей кожей полицейского чуял, как шатается под ним кресло.

А тут еще новость, упавшая на его голову с утра пораньше.

Как поставить дело так, чтобы не совершить ошибку, возможно, последнюю в карьере, Зволянский не знал. А потому срочно вызвал того, на кого мог хоть как-то рассчитывать: заведующего Особым отделом Леонида Александровича Ратаева.

О человеке этом ходило множество слухов: от восторженных до ужасных. Зволянский был в курсе всех этих слухов, но сейчас ему было нужно главное качество Ратаева: аналитический ум. Предстояло решить задачу, которая во

многим определит судьбу самого Зволянского. И, вероятно, Ратаева. Случись что, новый директор Департамента поставит на ключевую должность своего человека. Ратаев тоже понимал это и не строил иллюзий.

Оба чиновника уже просчитали последствия возникшей ситуации, с очень вероятной катастрофой для обоих и мизерными шансами на успех. А потому нужда в лишних словах и пояснениях отпала.

– Что думаете? – только и спросил Зволянский, подразумевая в коротком вопросе сразу столько всего, что до конца понять мог только Ратаев.

– Обстоятельства тревожные, – ответил тот, помедлив. – Выглядит некрасиво.

– У вас были сигналы из Павловска?

Неприятные вопросы Ратаев умел игнорировать, страдая внезапной глухотой. В этот раз трюк был не ко времени.

– Мы далеко не всемогущи. У нас имеются куда более горячие участки. Вам известно, что там всегда было достаточно спокойно?

Зволянский убедился: сколько бы ни шептались о вездесущем Ратаеве и его людях, утренняя новость для него – полная неожиданность. Что оказалось отчасти приятно: значит, будет стараться изо всех сил.

– Жду конкретные предложения, Леонид Александрович.

Ратаев раскрыл докладную папку черной кожи, которую придерживал за спиной. Внутри лежало личное дело. Зволянский не мог разглядеть фамилию на обложке. Но отметил прозорливость Ратаева: пришел с готовым решением. Не зря говорят о его способностях. И не зря его боятся.

– Что это? – тем не менее спросил он.

Ратаев, соблюдая правила игры, сообщил, что подобрал кандидатуру для выполнения малоприятной миссии. Листая страницы скорее для вида, он подробно описал человека. Наверняка с личным делом ознакомился глубоко, а

паузы, удивленная интонация, как будто бы он только что вчитался в текст, – лишь игра. Зволянский получал особое удовольствие от подобного мастерства. Но слушал внимательно: решение принимать ему.

Выбранный кандидат отличался прекрасными характеристиками: отличными результатами раскрытых дел, полученными благодарностями и наградой, пусть низшей, но все-таки орденом Св. Владимира III степени. Что касается личных качеств, то в деле фиксировались далеко не лучшие для чиновника качества: дерзость, самоуверенность, непочтительность к начальству, множество докладов от обиженных приставов полицейских участков, а также пренебрежение к канцелярской работе и ведению бумажных дел. Из привычек отмечалась крайняя скромность в личной жизни, а также отсутствие семьи и жены, что было существенным недостатком для государственной службы, дружеские отношения с криминалистом Лебедевым и отсутствие твердых религиозных убеждений, явная склонность к сомнительному агностицизму. В физических данных указывались навыки вольной борьбы и развитая мышечная сила. В сыскной полиции чиновник прослужил чуть более семи лет.

– Как его фамилия? – спросил Зволянский, представляя, о ком идет речь.

Ратаев назвал фамилию, которую директор Департамента ожидал услышать.

– Так ведь он в отставке?

– Так точно, – согласился Ратаев. – С осени 1901 года.

– И что же?

– Отчего бы не послужить, когда долг призывает, а жалование приемлемое.

– Справится?

– Этот – справится, – убежденно ответил Ратаев. – А если что...

Недосказанность была красноречивой. Зволянский понял, что не сказал Ратаев вслух. Простое и элегантное решение: доверить расследование тому, кто вернулся из отставки. Если ему повезет, что не так уж невероятно, лавры

победы достанутся начальству. А если что-то пойдет не так, если хваленые способности чиновника сыска окажутся бесполезными, то всегда можно отдать его на заклятие. Были и еще обстоятельства, которые в этом пасьянсе могли оказаться крайне выгодными королю и тузу, а все неприятности достаться сыскному валету.

- Чем он занимался в отставке? - спросил Зволянский.

Ратаев выразительно пожал плечами.

- Средства у него самые ограниченные, дачи нет, в путешествия не ездит. Давал консультации кое-каким купцам, на что и жил...

- Вероятно, скучает без дела.

- Гордость не позволяет проситься обратно.

- Что ж, Леонид Александрович, кандидатура подобрана разумно, - сказал Зволянский, вставая из-за рабочего стола. - Пусть берется за дело.

- Мои люди за ним присмотрят. Тихо и аккуратно. На всякий случай.

- Разумно. Срочно везите его ко мне. И чтобы не вздумал отказаться.

- За ним уже послано, - ответил Ратаев с невозмутимым лицом.

- Вот как? Чудесно. И еще надо бы Чулицкого[1 - Чулицкий М. Ф. - начальник сыскной полиции Петербурга в 1902 году.] предупредить.

- Михаил Фролович уже поставлен в известность, что к нему в сыскную полицию возвращается столь ценный персонаж...

Зволянский еще раз утвердился, что слухи о талантах Ратаева не могут быть слишком преувеличены. Просто незаменимый человек.

Когда это выгодно ему.

6. О вреде книг вообще

Того же дня.

Главный читальный зал Императорской публичной библиотеки производил неизгладимое впечатление: храм знаний, в котором скопились необъятные запасы человеческой мысли. Огромные сводчатые окна давали света с достатком, чтобы посреди зала вились столбы пыли, производимые скопищем мысли. Вдобавок к запасенным мыслям господ и редкие дамы, которых начали пускать сюда не так давно, каждый день рассаживались за читальными столами и с утра до позднего вечера производили все новые, новые и новые мысли. Как будто старых не хватало.

В столь ранний час читателей было наперечет. Большинство столов пустовало. Лишь за самым дальним, упираясь спинкой стула в книжный шкаф, сидел господин. Перед ним возвышались две стопки томов с греческими и латинскими названиями на корешках. По виду нельзя было сказать, чем это господин занимается в свободное от чтения время.

Возраст его далеко перешагнул студенческий рубеж. Ничего научного или преподавательского в нем не было. Роскошные усы вороненого отлива с трудом можно представить в лекционной аудитории, крепкая мускулатура, игра которой отчетливо просматривалась, даже будучи скрытой под одеждой, скорее подходила цирковому борцу. Представить его членом академического мира было немыслимо. Господин не использовал ни пенсне, ни очки, отличаясь орлиным зрением. К тому же взгляд его имел такое особое свойство, что многие дамы под действием его испытывали сладкую щекотку в животе, а то и теряли голову. Хотя черты лица его не отличались красотой. Обыкновенное, надо сказать, было лицо. Немного мрачное и бледноватое, что встречается у большинства жителей столицы после зимы.

В последнее время у господина оказалось слишком много свободного времени. Чтобы не ошалеть от скуки, он решил убивать его не просто на чтение, а подготовиться к пересдаче кандидатского экзамена, чтобы вернуться в давно брошенную «альма-матер», а именно в Петербургский университет, на кафедру

классических древностей. То есть окунуться в мир древних греков и, разумеется, таких же древних римлян.

Лет восемь назад он совершил опрометчивый шаг: вместо того чтобы идти по академической стезе, открытой перед ним до самого горизонта, выкинул фортель: взял и пошел в презираемую всеми свободомыслящими людьми полицию. И не просто полицию, а в сыскную полицию, где объектом внимания являются воры, убийцы и прочее отребье общества. О чем теперь, по прошествии лет, сильно пожалел. И, покорив гордость, приложил немалые усилия, чтобы педагоги, которые сначала молились на него как на будущую звезду науки, а потом прокляли, вернули ему благосклонность. Ему был предоставлен шанс искупить вину перед наукой и вернуться к заброшенной диссертации по Сократу, от которой ожидали некоторых чудес. Чем он честно пытался заниматься в тиши читального зала.

Молодой человек был уверен, что возвращение в науку будет не труднее допроса пойманного на месте преступления. Греческий и латынь он помнил не хуже воровского жаргона – древние языки вообще, выучив, забыть невозможно, за новинками науки, хотя бы отечественными, он кое-как следил. Ничто не предвещало осложнений. Но стоило ему усесться на жесткий библиотечный стул, обложиться книгами, то есть наяву получить то, о чем так давно мечтал, как мысли потекли совсем не туда, куда следовало.

Вместо того чтобы штудировать последние труды немцев и французов, больших словоблудов в отношении греческих философов, он запросил подшивку столичных и московских газет и принялся изучать колонки происшествий. Газетные сети вылавливали в основном мелкую рыбешку: копеечное воровство, убийство в пьяной драке или от ревности, какое-нибудь дорожное происшествие или нападение бешеной кошки на городского. Только раз попалась ему заметка об отрубленной голове, что нашли на берегу Обводного канала, да и то раскрыть такое дело мог самый ленивый участковый пристав.

Он перечитал все о покушении на Трепова и убийстве Сипягина. Только расследовать там было нечего: стрелявшая девица поймана на месте, а убийца министра не то что не скрывался, а, напротив, требовал себе расстрела. Мир преступлений окончательно скатывался к мелочовке или политической грязи.

Газеты – вещь заразная, хуже оспы. Быстро входит в привычку, от которой не отделаться. Будущий диссертант, не знавший в полиции горечи поражений, в

мирной жизни не мог побороть только одного противника: самого себя. Вместо книг его снова и снова тянуло к репортерским хроникам.

Как бы ни желал он уйти с головой в науку и забыть обо всем, выработанные в сыске привычки давали о себе знать. Вот, например, господина, что робко приближался к нему по ковровой дорожке, он приметил, как только тот сделал первый шаг. Приметил и сразу составил для себя мгновенный портрет, что помогало в расследованиях. На вид господину далеко за пятьдесят, фигура щуплая, страдает болями в спине, без семьи, живет бобылем, за собой не следит – обшлага старенького сюртука потерты, рубашка нечиста, волосы растрепаны, глаза под мутными очками красны и слезятся. Никакой угрозы чудак не представлял.

Подойдя к столу, субъект застенчиво, по-женски, прикрыл рот ладошкой.

– Прошу простить, – обратился он шепотом. – Вы господин Ванзаров, не так ли?

– Откуда мы меня знаете?

Незнакомец смутился до того, что вот-вот мог растаять, как лед на солнце.

– Заглянул в формуляр, извините...

Ответ был логичным. Ванзаров не встал, не подал руки, но сдержанно спросил, чем может помочь.

– Вы библиограф, если не ошибаюсь? – добавил он.

– В некотором роде... Ах, извините, совсем забыл, так с моей стороны невежливо: я Трупп.

– Вы себе льстите, – сказал Ванзаров, быстро оценивая детали костюма и черты лица, которые издавна были неприметны.

Вывод, который получался однозначным: господин Трупп мог оказаться не вполне здоровым в смысле психическом. В библиотеке на такие мелочи внимания не обращают, главное, чтобы не начал топить печь книгами.

Остальное – не важно. Смущение Труппа выразилось в том, что кончик его носа нервно подергивался.

– Вечно у меня беда с этой фамилией.

– Ничего, когда-нибудь она и вам пригодится.

– Неужели? – искренне удивился Трупп, видимо не подозревая, что с ним могут шутить. – Интересно узнать...

– Чем могу помочь? – напомнил Ванзаров, указывая на книги: дескать, занят так, что минуты нет свободной.

Трупп разлился извинениями, которые Ванзарову пришлось весьма резко остановить. Тогда Трупп попросил выйти с ним в курительную, где они никому не помешают. Кому можно помешать в пустом зале, оставалось на его совести. Ванзаров счел, что легче согласиться, чем упираться, но в курительную не пошел: запах табака не переносил с тех пор, как бросил курить. Он предложил холл перед мраморной лестницей, поскольку и там кресла имеются.

Вытерпев, когда Трупп освободится от нового потока вежливости, Ванзаров просил перейти к делу. На что тот решился с некоторым усилием над собой.

– Дело такого рода... – начал он, – что мне потребуется все ваше внимание.

– Оно целиком ваше на ближайшие пять минут, – сказал Ванзаров.

– И доверие...

– Располагайте им на тот же срок.

Больше уговаривать не пришлось. Дело было вот в чем. Несколько дней назад, роаясь на полках отдела средневековых книг, Трупп наткнулся на потертую папку, по виду современную, которой тут было не место. Не подозревая дурного, он развязал тесемки и обнаружил несколько страниц без обложки и заглавия, по виду вырванных из старопечатного издания.

- Папку украли? – спросил Ванзаров, ожидая неизбежный ответ.

- Да что вы! – испугался Трупп так, будто его выгнали без пенсии. – Папка на месте. Дело в содержании, в текстах.

- Что же в них такого?

- Тексты на старонемецком и более новом немецком языке. События, описанные в них, относятся к семнадцатому, восемнадцатому и девятнадцатому векам.

- Для историка – золотое дно, – понимающе кивнул Ванзаров. – Только это не моя эпоха.

Трупп упросил не спешить. Ванзаров заставил себя сесть на место.

- Я начал разбирать первый текст, самый трудный, – продолжил он. – Страницы сильно повреждены, напечатано плохо и грязно.

- Что узнали нового о жизни в Германии?

- Там описываются преступления, которые происходили в городе Пфальце. Я не в силах передать детали, настолько они чудовищны.

- Жаль, что рукопись так сильно на вас подействовала, – сказал Ванзаров.

- Это не рукопись, – покачал головой Трупп. – Это печатная книга.

- Прекрасно. Я какое имею к этому отношение?

- В заглавии первого, самого старого текста, упомянут чиновник городского магистрата, который предпринял розыски по чудовищным убийствам. В начале второго текста саксонский офицер Карл Ванзархофф, а последний, относящийся к началу девятнадцатого века, озаглавлен фамилией какого-то венского господина без чинов. Вероятно, они тоже занимались расследованиями, я не прочитал до конца.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросил Ванзаров.

– В конце обрывка следует белый лист, на котором напечатано только заглавие, – словно опасаясь чего-то, проговорил Трупп.

– Вам, как библиографу, виднее.

– Дело в том... – Трупп словно набрался сил, – ...что там напечатан нынешний год и ваша фамилия...

Глаза его не только слезились и покраснели от нескончаемого чтения. В них мелькал нездоровый огонек.

– Моя фамилия? – спокойно спросил Ванзаров. – Вы уверены?

– Несомненно! Другого Ванзарова среди читателей нет.

– Не хочу вас огорчить... Но какое мне до этого дело?

– Если вы расследуете какое-то преступление... Возможно... Возможно... Я не знаю, как подойти к этому вопросу...

Все было ясно. Ванзаров встал.

– Вы ошиблись, господин Трупп, я не служу в полиции. Благодарю за чудесную историю. Прощайте...

Он сдал набранную кипу книг на хранение и вышел на улицу. Свежее солнце залило столицу половодьем света и радости. Напротив библиотеки Екатерининский сад горел зелеными огоньками первой зелени. Каждый прохожий улыбался, как довольный кот, а дамы под ажурными зонтиками казались первыми бабочками. Призывающими и манящими. Как обычно бывает весной.

Ванзаров не замечал окружающей радости. Болтовня полоумного библиографа больше разозлила его, чем растравила интерес. Но если говорить по чести, то нечто позабытое, особый беззвучный сигнал, Ванзаров ощутил в глубине души

своей. Сигнал, которого давно уже не слышал.

Моложавый господин крепкого сложения в неброском пальто подошел к нему, поклонился и ничего не выражающим голосом сообщил, что господина Ванзарова приказано срочно доставить на Фонтанку, в Департамент полиции. Карета ждет. Судя по тому, что на окнах не было решеток и на запястьях его не застегнули наручники, Ванзарова ждала внезапная новость. Которую он ждал всем сердцем тоскливые месяцы отставки.

Так ждал, что даже боялся себе в этом признаться.

7. Неожиданности, или как их понимать

Директор Департамента полиции не имеет счастья знать в лицо каждого своего сотрудника, даже такого малочисленного подразделения, как сыскная полиция Петербурга. Зволянский и не знал. Разумеется, он был наслышан о способностях и талантах юного гения сыска, коллежского секретаря Ванзарова. Разглядывая гостя, Сергей Эрастович не мог отделаться от подленькой мыслишки: по виду и не сказать, что гений. Вот так, посмотреть со стороны, и не подумаешь, что почти юноша (тридцать с небольшим лет – это пустяки) способен находить преступника там, где никто бы не догадался. Ничего особенного: ни манер, ни почтения во взгляде, ни модного костюма. Серая посредственность, одним словом. Всех достоинств – родной брат в Министерстве иностранных дел на отличном счету, быть может, будущий министр.

Все эти скользкие размышления пролетели столь стремительно, что не оставили на лице Сергея Эрастовича и малейшего следа. Во всяком случае, он так думал.

Ванзаров терпеливо ждал, пока начальство оценит его внешний вид, и ничем не показывал, что мыслительный процесс Зволянского открыт для него, как крапленые карты.

Преодолев заминку, Сергей Эрастович изобразил крайнее радушие, пожал руку и предложил садиться там, где будет удобно дорогому гостю. Он стал расспрашивать, как поживает Родион Георгиевич, чем занимается, и вообще

проявлял нерядовой интерес к жизни отставного чиновника. Ванзаров отвечал сдержанно, по существу, чем невольно раздражал Зволянского. Сергей Эрастович лично убедился, что светскими манерами гений сыска себя не утруждает. Что в нынешней ситуации было к лучшему.

Закончив политес, Зволянский подступил к главному.

– Что ж, Родион Георгиевич, – сказал он с отеческим теплом в голосе. – Время тревожное, пора собирать силы в один кулак.

Ванзаров ничего не имел против подобного собрания, а потому смолчал.

– Не пора ли возвращаться на службу, дорогой вы мой?

– Куда и в каком качестве? – последовал вопрос без должного почтения.

– Так все туда же, Родион Георгиевич, в вашу обитель – сыскную полицию. Чин ваш никуда не делся, да и пора бы ему подрасти. Скажу не таясь: мы на вас имеем большие виды. Господину Чулицкому пора думать о пенсии. Вам самое время строить карьеру. Для вас она открывается во всю ширь. Жалование сразу положим по высшему разряду, об этом не беспокойтесь. Квартиру подберем новую, достойную вас. Ну, и прочее...

После таких слов другой чиновник пустился бы в пляс, неформально выражаясь. Но у Ванзарова и бровь не дрогнула.

– Вы хотите, чтобы я расследовал убийство министра Сипягина?

Зволянский только рукой махнул.

– Что вы, дорогой мой, что там расследовать? Для этого подмастерья найдутся, а такому мастеру, как вы, это дело и предлагать грешно.

– Какое именно дело потребовало моего участия?

Настал момент, который Зволянский оттягивал, как мог.

– Дело есть, – согласился он совсем другим тоном, в котором нотки отеческого добросердечия растаяли. – Дело свежее, сегодня образовалось. Газеты, к счастью, ничего не узнали. И не узнают, надеюсь.

– Что произошло? – спросил Ванзаров.

– Подробности вам сообщат по дороге, – ответил Сергей Эрастович, будто уже получил согласие. – Вы наделяетесь полномочиями для всестороннего расследования. Местная полиция города Павловска будет оказывать вам активную помощь. Впрочем, как и любая другая. В случае необходимости жандармы и сотрудники Охранного отделения будут к вам откомандированы. Чулицкий уже поставлен в известность о вашей миссии.

– Но я ведь еще не поступил на службу, – напомнил Ванзаров.

Зволянский положил гербовый лист со своим росчерком.

– Приказ о вашем зачислении в сыскную полицию подписан. Поздравляю, чиновник для особых поручений...

Ванзаров пробежал глазами четкие строчки канцелярского писца.

– Что от меня требуется помимо этого? – спросил он.

– Рад, что не ошибся в вас, господин Ванзаров, – ответил Сергей Эрастович, усаживаясь чрезвычайно близко к Ванзарову. – Дело такого рода, что в нем вы можете столкнуться с обстоятельствами, которые в наше непростое время способны нанести серьезный урон императорской фамилии. Я не говорю, что это случится обязательно, подробности нам неизвестны, но вы должны быть готовы к такому повороту событий. Зная вашу придирчивость и скрупулезность, я не сомневаюсь, что вы разыщете любые факты. С ними надо проявить максимальную осмотрительность. Вы меня хорошо поняли, чиновник Ванзаров?

– Безусловно, – последовал четкий ответ.

– Иного не ждал от вас, Родион Георгиевич.

– Когда отправляться в Павловск?

– Немедленно. Карета внизу, – сказал Зволянский, жестом пресекая возможные вопросы. – А господин Лебедев и так прибудет в Павловск в ближайшее время. Что же до господина Чулицкого, то по данному делу ему вы отчитываться не будете.

– Кому мне докладывать?

– Лично господину Ратаеву. Вас это устраивает?

Вопрос был шуткой особого сорта. Какого чиновника может не устроить прямой выход на всесильного заведующего Особым отделом? Нет таких чиновников в Российской империи. Только вот дело обещало быть столь острым, что мало нашлось бы желающих за него взяться. Разве только один Ванзаров, которому терять было нечего.

Зволянский проводил новоиспеченного чиновника отдела сыска до дверей кабинета и еще раз напомнил, как сильно полагается на его благоразумие. Когда же дверь за ним затворилась, из другой, что вела в личную комнату директора и была задернута шторой, вышел Ратаев.

– Что скажете, Леонид Александрович?

– Примерно то, что ожидал увидеть.

– Как полагаете: не подведет?

– Не думаю.

– Можно полагаться на его благоразумие?

– Скорее на гордость и самомнение, – ответил Ратаев. – Все эти чистенькие господа имеют слабое место: чувство долга и честь, раздутую до невозможности. Оттого управлять ими просто, как детской игрушкой.

– Полагаюсь на ваш опыт, – сказал Зволянский, отчетливо давая понять, кто именно будет виноват в случае провала.

Ратаев намек понял, но поклонился в знак полного согласия.

А Ванзаров, которому не дали даже заглянуть в лабораторию Лебедева, размещавшуюся в этом же здании, усаживался в служебную карету Департамента полиции. Рядом с ним поместился все тот же скромный господин. Именно он обещал ввести чиновника для особых поручений в курс дела. Правда, в самых общих чертах.

Поездка до Павловска обещала быть познавательной.

8. Первая встреча

Полицмейстер города Павловска Константин Семенович Сыровяткин был человеком штатским и по чину, и по духу. Общая благостность нравов городка окончательно размягчила его характер. Он решительно не был готов к неприятностям, разразившимся, как снежная буря посреди лета. Преступление, в полном смысле этого слова, в Павловске помнили только одно: когда крестьянин Киселев в припадке ревности нанес своей сожительнице, крестьянке Морозовой, множество ударов ножом, превратив ее тело в «кровоавое месиво», как писали репортеры, потом задушил и подбросил тело на железнодорожные пути. Взяли его на следующий день в трактире, где он пил горькую и жаловался на горькую же судьбину, доведшую его до преступления. Убийца каялся и сам хотел отдать себя в руки правосудия. Ничего более страшного на долю Сыровяткина не досталось.

Прошлым вечером, когда полицмейстер вернулся домой в прекрасном расположении духа, чему способствовало заседание «Комитета попечительства» о народной трезвости, он и думать не мог, какая ночь ему предстоит. Стоило Сыровяткину начать совлекать с себя форменную одежду, как в дом прибежал один из двух его приставов, Толстоногов. По лицу пристава можно было решить, что он или хватил лишку, или внезапно повредился в уме, что при тихой жизни в Павловске сделать весьма затруднительно. Пристав нес какую-то околесицу о мертво-живой барышне, которая явилась из самой преисподней за «грехи

наши», и теперь всем придет конец. Сыровяткин знал, что Толстоногов имеет склад мыслей скорее религиозный, но не до такой же степени! Он пытался образумить пристава, предложил чашку чаю или рюмку водки, но Толстоногов ничего не слушал, а требовал немедленно следовать за ним, иначе он тут прямо на пороге умрет от разрыва сердца. Видя такой оборот, Сыровяткин оделся и последовал за своим подчиненным.

Около градской больницы творилось что-то неладное. Толкались заспанные городовые, причем старались держаться кучкой. Главный врач больницы Дубягский, после принятия банки чистого спирта, пребывал в окончательно непотребном состоянии, его посадили на лавку и оставили в покое. Тут же на соседней лавке лежал Управляющий городом Антонов, громко и безнадежно воя, а рядом с ним металась врач и санитар.

Сердце Сыровяткина защемило, когда все присутствующие уставились на него, ожидая приказаний. Что приказывать, Сыровяткин понятия не имел. Он потребовал кого-нибудь, кто мог внятно объяснить, что тут произошло.

Холодный рассудок сохранил только врач Затонский. Оставив лежащего Антонова на попечение санитара, он кратко изложил Сыровяткину причину всего переполоха.

Полицмейстер выслушал и подумал, что врач тоже слегка свихнулся, не иначе. Но захотел убедиться лично, что он один тут не сумасшедший.

- Где... это... самое... Показывайте!

Врач кивнул, на что следует обратить внимание. Сыровяткин не сразу разглядел нечто в темной накидке. Делать было нечего, положение, так сказать, обязывало. Задержав дыхание, Сыровяткин подошел к фигуре, вежливо кашлянул и обратился строгим тоном: «Мадам!»

Фигура не ответила, лишь складки плаща слегка качнулась. Поставленный в безвыходное положение Сыровяткин шагнул вперед и взглянул туда, где не было плаща. Взглянул и сразу зажмурился. То, что предстало перед ним, было столь ужасно и мерзко, что никакой водкой воспоминание об этой минуте из памяти не стереть. Сыровяткин подумал, что эта картинка будет преследовать до последних дней его грешной жизни. Держа себя в руках, он приблизился к

затихшим подчиненным и гаркнул изо всех сил:

– Убрать! Немедленно убрать!

– Куда убрать? – резонно спросил Затонский.

– Куда хотите! Немедленно! Вы больница или конюшня? Немедленно принять ее... эту... Чтобы она не того... Толстоногов, помогай, чего стоишь! Исполнять!

Начальственная команда произвела целительный эффект. Пристав ожил, городские задвигались, и все вместе кое-как принялись исполнять приказание. Толку от этого было мало. Никто из взрослых мужиков не решался прикоснуться к тому, чтобы было укрыто накидкой. Сыровяткину пришлось рявкнуть в другой раз, чтобы за дело взялись Затонский и санитар. Оставив Антонова на лавке, медики убрали страшную находку с глаз долой.

Надо было что-то делать, но что именно, Сыровяткин не представлял. Инструкций на такой случай не имелось. Как поступать с живыми или мертвыми, он представлял. Но в этом случае... Полицейстер быстро сообразил, что его сил для расследования недостаточно, а потому побежал сообщать в столицу, просить о помощи и поднимать на ноги сразу Департамент полиции. Раз уж городская власть не в состоянии принимать решения, а валяется на лавке и только воет.

Заснуть в эту ночь Сыровяткин не мог. Перед глазами вертелось увиденное. Он вернулся к больнице, где поставил дюжину городских из имевшихся в его распоряжении двух десятков, и сидел на лавке до утра. Усталости он не чувствовал. А когда увидел, как по дороге к больнице стремительно приближается полицейская карета с двумя пассажирами, впервые ощутил слабое облегчение.

Из коляски вышел плотный молодой господин с роскошными усами и другой, неприметный в черном костюме. Тренированный глаз полицейстера примерно угадал роли. Тем более черный, как он окрестил меньшего, старался держаться незаметно. Сыровяткин поспешил к крепышу, отдал честь, представился и даже, на всякий случай, вытянулся по струнке. Хоть и не знал чина приехавшего. Ему протянули крепкую упругую ладонь, которую Сыровяткин пожал не без удовольствия.

– Ванзаров, сыскная полиция.

Эту фамилию полицмейстер слышал, что-то такое доносили полицейские сплетники. То ли лучший сыщик столицы, то ли известный интриган-выскачка из министерства. Да какая, в сущности, разница.

Черный господин предпочел держаться в отдалении, ограничившись кивком. Полицмейстера и это устраивало. Главное, что забота теперь легла на столичных господ. А его уже дело маленькое.

Ванзаров окинул взглядом городских, топтавшихся на некотором отдалении.

– Это зачем?

– Произвели оцепление, – ответил Сыровяткин.

– Зачем понадобилось оцепление?

Внятного ответа у полицмейстера не было: нельзя же сказать, что ему надо было хоть что-то предпринять.

– Место преступления находится здесь?

– Никак нет...

Сразу давить на местную полицию Ванзарову не хотелось. Еще могла пригодиться.

– Раз так, значит, так... – примирительно сказал он. – Куда поместили тело?

– Тело? – удивленно повторил за ним Сыровяткин. – Какое тело?

– Тело жертвы, – как можно мягче сказал Ванзаров. – Надеюсь, оно в мертвецкой?

- Никак нет, на второй этаж поместили.

- У вас мертвецкая на втором этаже находится?

- Зачем же мертвецкая на втором, - проговорил Сыровяткин, чувствуя, как взгляд Ванзарова буравит ему лоб. - У нас, это, как принято...

- Полицмейстер, куда жертву дели?

- На койку определили...

- Она что, жива?

- Предположительно... - сказал Сыровяткин, холодея спиной.

Ванзаров вопросительно посмотрел на господина в черном. Тот дал понять, что удивлен не меньше, а сведения, которые были в его распоряжении, переданы в точности.

- Значит, второй этаж, - сказал Ванзаров, направляясь в больницу.

Сыровяткин покорно следовал за ним.

9. Некоторые чудеса медицины

Градская больница Павловска и отдаленно не походила на храм медицины. Скорее, на памятник скудным средствам, выделяемым на народное здравие. Стены, по обычаю нашей страны выкрашенные неопределенного цвета краской, облезлые потолки и скрипящие половицы коридора. Зато лестница была каменной и прочной, хоть вся в щербинах и ямках.

На втором этаже в коридор выходил ряд дверей, помеченных номерами. У дальней стены на шатком стуле сидел господин расплывшегося вида. Мутный взгляд его блуждал в необозримых высях, пенсне держалось под острым углом,

а бороденка торчала репейником. Ворот рубашки был широко распахнут, галстук повязан кое-как, а брюки измяты до удивления.

- Главный врач Дубягский, - подсказал Сыровяткин. - Сильно переживает произошедшее.

Запах от переживаний ощущался издалека. Рядом с больным врачом держался мужчина в относительно белом врачебном халате, тесемками завязанном на спине. Голова его была выбрита до синевы, нос слегка подбит, а щеку поддерживала повязка, что говорило о непроходящей зубной боли.

- Санитар Шадрин, - с презрительной интонацией сказал Сыровяткин. - Я приказал ему остаться в качестве свидетеля.

- Благодарю за предусмотрительность, - ответил Ванзаров.

Полицмейстер забежал вперед, открыл дверь палаты № 6, предпочтя держаться позади. В палате имелось большое окно и четыре кровати. Три из них были застланы казенными одеялами. Четвертую занимала лежащая на боку барышня, прикрытая простыней по самую шею. Густые черные волосы ее были разбросаны по подушке. Глаза приоткрыты, рот растянут в широкую улыбку. Особа казалась захворавшей, но вполне живой: на щеках цвел густой румянец. Рядом с кроватью сидел господин во врачебном халате. Его Ванзаров быстро изучил при помощи моментального портрета: характер спокойный, выдержанный, аккуратист до щепетильности, ногти тщательно обработаны, галстук завязан ровно и правильно, очки в золотой оправе, чистые. Он назвался доктором Затонским.

- Барышня жива? - спросил Ванзаров.

- Как ни удивительно, - последовал ответ.

- Что-нибудь говорила?

- Нет, только все время улыбается.

- Каким образом вам удалось привести ее в чувство?

– Я ничего не делал, – ответил доктор и повторил: – Ничего.

– Почему не оказали ей помощь?

– Посмотрите сами, – сказал Затонский и отдернул простыню. – Что я могу сделать в подобной ситуации? Какое лекарство прикажете дать?

Боковым зрением Ванзаров заметил, как полицмейстер скрылся за дверь. Трудно было осуждать его. За свою службу Ванзаров навидался всякого, прочее ему злорадно показывал Лебедев в криминалистических фотографиях. Все, что он видел до сих пор, оказалось неприятным зрелищем. То, что было сделано с телом, лежащим на казенной кровати, телом молодой девушки, не поддавалось пониманию.

Человек вообще существо жестокое, но здесь граница жестокости была отодвинута далеко вперед. Китайские пытки, о которых Ванзаров читал по долгу службы, казались на фоне этого безобидным развлечением. Его логические навыки, даже сама психологика, которую он изобрел, были бесполезны. Ничего подобного просто никогда не бывало.

– Насладились? – спросил Затонский.

Ответа не последовало. Доктор накрыл жертву простыней.

– Как она терпит это? – спросил Ванзаров.

– Вероятно, введено сильное обезболивающее средство.

– Что именно?

– Такие препараты мне неизвестны, – ответил Затонский, усаживаясь на прежнее место.

– Сколько она... так?

– Не могу знать. Спросите у полицейских, когда ее нашли. Меня подняли с постели около полуночи. Еще господина Антонова пришлось в чувства

приводить, висел на руках городского, как тряпка. Спасибо, хоть Шадрин помог. У нас в полиции все такие чувствительные...

Доктор не скрывал раздражения: кому понравится подобное положение вещей.

- Прошло около двенадцати часов, - сказал Ванзаров. - Вы что-нибудь давали ей? Какую-нибудь микстуру?

- Повторяю: не знаю микстуры, которая в состоянии помочь... - развел руками доктор.

- Сколько она еще выдержит?

- Не могу делать никаких прогнозов. Я бы сказал, что у нее агония. Но агония слишком затянулась.

- Вам знакома эта барышня?

- Впервые вижу.

Голова девушки резко дернулась, она быстро-быстро зашевелила губами. Ванзаров нагнулся и смог разобрать обрывки слов: «Два-три... три-четыре... как хорошо... он здесь... спасибо... три-четыре». Цифры звучали отчетливо. Лицо девушки скривилось, ей было явно очень больно.

Затонский взирал на мучения с истинно врачебным спокойствием. Но Ванзаров не смог закалить душу до такой степени, чтобы не сочувствовать человеческим страданиям.

- Ей хуже, - сказал он. - Помогите...

- Чем?

- Сделайте хоть что-нибудь, не сидите так...

- Что прикажете?

– Я не врач...

– А я, как врач, вам говорю: сделать ничего нельзя. Агония. Надо ждать конца.

Бедная жертва запрокинула голову, резко дернулась и закричала хрипло и страшно. Тело под простыней билось в конвульсиях, кровать дрожала. Затонский не шевельнулся.

– Помогите ей! – закричал Ванзаров.

– Каким образом?

– Укол сделайте! Хоть что-нибудь!

Крик – невозможный, невыносимый – клокотал в ее горле. От крика этого парализовывались мысли и воля.

Затонский достал из стеклянного шкафчика ампулу и шприц.

– Прикажете морфий?

– Что угодно!

– Под вашу личную ответственность, – сказал доктор и принялся набирать препарат в шприц. – Придержите ее...

Ванзаров не мог выбрать место, куда пристроить руку, пока не поймал девушку за плечо и прижал кое-как к кровати. Затонский скинул простыню. Ванзаров невольно зажмурился.

– Можете смотреть, – услышал он.

Укол был сделан, Затонский отошел в сторону.

Казалось, что морфий помог. Барышня затихла, лицо ее, измученное страданием, разгладилось. Ванзаров знал, что нельзя терять ни секунды, надо

спрашивать, спрашивать, даже если не будет ответа. Но не мог заставить себя.

Все случилось слишком быстро. Барышня резко поднялась, ноги упали с кровати, она вздрогнула, как от озноба, и отчетливо проговорила:

- Три-четыре, три-четыре...

Глаза закатились, она рухнула на матрац. Затонский взял ее запястье, пощупал пульс и натянул простыню девушке на голову. Проверив по карманным часам время, он сделал пометку в записной книжке.

- В эпикризе отмечу, что причиной смерти пациентки стало ваше вмешательство, - сказал он. - Считайте, что сократили ее мучения введением морфия.

- Как вам будет угодно, - сказал Ванзаров. - Прошу покинуть палату.

- С какой стати?

- Проведение следственных действий сыскной полицией. До приезда криминалиста к телу никто не прикоснется. Извольте выйти.

Затонский изобразил брезгливую ухмылку, пожал плечами и направился к дверному проему.

- Полицейское хамство не поможет скрыть очевидный факт, - сказал он, обернувшись. - Своим приказанием вы добились несчастную. Желаю вам всего хорошего...

Крайне довольный собой, доктор удалился.

Ванзаров вышел следом, прикрыв дверь.

- Как там? - не без любопытства спросил Сыровяткин.

– У палаты поставить городского. Кроме меня и криминалиста, никого не пускать, – последовал приказ. – Ни главного врача, ни особенно этого господина.

– Будет исполнено.

– Вам известна жертва?

– Никак нет, никогда у нас в Павловске не видел.

– Кто первым принял ее здесь?

– Санитар Шадрин, – ответил Сыровяткин печально, словно лично был виновен в произошедшем. – Он и одежду взял на сохранение. Я проследил.

Ванзаров посмотрел на часы: Лебедев задерживается. Неужели на поезде поехал? И ведь сейчас нужен, как никогда.

– Снимите оцепление, – сказал Ванзаров.

Сыровяткин немного удивился.

– Как прикажете... Но разве...

– Чтобы не привлекать лишнее внимание. Вам нужны репортеры столичных газеток, Сыровяткин?

Только этой напасти полицмейстеру не хватало. Он побежал исполнять оба приказания.

Исполнять всегда легче, чем отдавать приказы.

10. Скромность как украшение

Вскоре двор больницы ничем не выдавал, что внутри находится нечто, что могло вызвать нездоровый интерес газетчиков и прочих сплетников. Городовые были отпущены, главный врач Дубягский по причине бессознательного состояния отведен домой под руки, благо проживал через два квартала, а Затонский с чрезвычайно гордым видом заявил, что отправляется обедать и просит его в ближайшие полтора часа не беспокоить.

Только полицмейстер Сыровяткин, не находя себе дела, присел на лавке. Ему тоже хотелось обедать, но уйти никак было нельзя. Что, если важным лицам понадобится его помощь? Кстати, одно из лиц, господин в черном, куда-то подевалось. О нем полицмейстер беспокоился меньше всего.

Ванзаров предложил свидетелю отойти подальше от любопытных ушей, к дровяному сараю. Шадрин последовал безропотно. Двигался он как-то робко, горбился, словно боялся собственного роста, руки его были изрядно пожжены йодом, карболкой и прочими препаратами, а халат весьма нечист. Но это явно не беспокоило руководство санитары, имеющего, как выяснилось, чрезвычайно философский склад характера.

– Разговор наш неофициальный, – сказал Ванзаров, устраиваясь на подсохших бревнах. – Можете ничего не скрывать и никого не выгораживать.

– Да что уж тут, – ответил санитар. – Что скрывать?

– Просто расскажите подробно, что было ночью...

Рассказ санитары был краток. Шадрин мирно дремал в своей каморке. Около десяти вечера, а может, позже его разбудили громкие крики. Звали на помощь. Он выскочил, как мог быстро, и увидел странную картину: один городовой держал под руки господина Антонова, который еле переставлял ноги, а другой вел барышню в черной накидке. Вел и старался не касаться ее.

– Барышня сама шла? – спросил Ванзаров.

– Не то чтобы шла, подпрыгивала на одной ножке, – ответил Шадрин.

– Что вы подумали, когда ее увидели?

– Пьяная, вероятнее всего. Хотя странно, откуда пьяной взяться. Трактиры рано закрываются, барышни туда не ходят.

– Она вам знакома?

– Нет, никогда ранее не видел.

– Чудесно. Что же дальше?

...А дальше городской потребовал от Шадрина немедленно привести в чувство господина Антонова. Он сбегал за нашатырем, дал понюхать и посадил на лавку. Пришел черед барышни. Тут городские дружно отступили в сторону. Шадрин подошел к ней и спросил, что случилось. Барышня не отвечала, улыбалась и все прыгала. Накидка распахнулась, и Шадрин увидел...

– Вам доводилось встречать такие ранения?

– У нас в больнице такого не видывали, – развел руками Шадрин. – Не знаю, где могут быть примеры...

– Что вы предприняли?

– Права не имею заниматься лечением. Побежал за доктором Дубягским, вытащил его из постели полусонного, упросил одеться. А он как увидел...

– Не бойтесь, говорите, – подбодрил Ванзаров.

– Мне бояться нечего. Схватился за голову, говорит: «Это мне возмездие за грехи мои» – и пошел в провизорскую. Я замешкался, а когда заглянул, он уже банку Spiritus прикончил.

– Да, это заметно, – кивнул Ванзаров. – А что же барышня?

– Стояла себе, пританцовывая, – ответил Шадрин. – Городские от нее держались подальше. Пришлось мне бежать за доктором Затонским. Он у нас за главного.

- Это логично. Что же Затонский, исполнил долг врача?
- Осмотрел ее, сделал заключение: помочь невозможно, барышня вот-вот умрет. И сел на лавку.
- То есть не предпринял никаких мер, чтобы ее спасти?
- Какие меры могут быть с такими ранами? – удивился Шадрин.
- Вы медики, вам виднее. Я всего лишь чиновник сыскной полиции...
- Нельзя доктора Затонского обвинять, он поступил, как полагается.
- На этот счет могут быть разные мнения, – заметил Ванзаров. – Вам ничего не показалось странным?

Вопрос привел санитаря в некоторое замешательство.

- Станным? – переспросил он. – Куда уж страннее?
- Например, не показалось, что доктор Затонский не сильно удивился такому сюрпризу посреди ночи?
- Доктор Затонский обладает крепкими нервами. Для него это пустяк.
- А вы? – спросил Ванзаров.
- Что я? – Шадрин не понимал, куда клонит полицейский.
- На вас произвело впечатление?
- Редкое зрелище. Хотя в мертвецкой я всякого насмотрелся.

Ванзаров встал с бревна, еще не прогрешегося как следует, и отряхнул налипшие крошки коры.

– О нашем разговоре прошу никому не сообщать, – сказал он. – Особенно если Сыровяткин будет любопытствовать. А он будет.

– Как скажете.

– Где ее одежда?

– Сложил в кладовой, чтобы не попортилась.

– Мне сказали, что, кроме накидки, у нее еще что-то было?

– Не видел, – спокойно ответил Шадрин. – Когда до палаты ее довели, доктор Затонский плащ снял, мне бросил, больше на ней ничего не было. Даже туфель.

– В ближайшие дни, до окончания розыска, прошу не покидать Павловск, – сказал Ванзаров.

Шадрин немного удивился.

– Зачем мне уезжать? Тут, при больнице, и живу. Спасибо, дали место. Не жалуюсь.

– Чудесно. Ведите в кладовку. Как вас по отчеству?

– Иван Иванович, – ответил Шадрин. Как будто смущаясь.

– Какого года рождения?

– Шестидесятого...

– Надо же, почти ровесники. Ну, не будем задерживаться, – и Ванзаров указал на больницу.

11. Они сошлись

Чутье не обмануло полицмейстера. Господин Ванзаров направлялся именно к нему, неся под мышкой сверток материи, которую Сыровяткин уже видел. Ему жутко хотелось узнать, насколько продвинулся розыск, какие появились версии и, возможно, найдены неопровержимые улики. Наверняка звезда из столицы показала высокий полицейский класс: приехал, увидел, поймал. Вот только представить себе личность преступника, сотворившего такое с несчастной барышней, Сыровяткин не мог, как ни старался. Это какой надо обладать безграничной жестокостью, чтобы так издеваться над человеком. Добро бы убил, чтобы не мучилась, так ведь нарочно измывался, изверг.

- Вещица знакома?

Вопрос вытолкнул Сыровяткина из грустных размышлений.

- Конечно, это плащ... жертвы... убитой...

- Путаетесь в показаниях, полицмейстер.

Сыровяткин опешил: за что же с ним так, будто с преступником? Не его ли вздумал подозревать этот субъект?

- Я бы попросил, господин Ванзаров... - начал он. Но его оборвали.

- Нет, это я спрошу вас, господин Сыровяткин. Ладно, ваш пристав растерялся, но вы, как полицмейстер города, обязаны были предпринять все меры розыска по горячим следам. Что именно вы предприняли?

Удар был нанесен настолько внезапно, что Сыровяткин не нашелся, что ответить. В следующую секунду его принялись методично терзать без надежды на спасение.

- Была оцеплена улица, где нашли жертву? Были подняты все силы, чтобы опросить извозчиков, которые ее могли подвозить? Были опрошены служащие вокзала, которые могли видеть, как она сходила с поезда? Были приняты меры, чтобы установить ее личность или дом, в котором она могла остановиться в Павловске?

Обвинения, справедливые и оттого еще более обидные, хлестали, как перчатка по щекам. Сыровяткин невольно мотал головой, понимая, что выглядит не лучше гимназиста перед строгим учителем. Хорошо хоть городских нет, не видят его позора.

- Что вы вообще сделали? Напомню, что начальные действия по розыску – ваша и только ваша задача. Или провинциальная жизнь отучила думать и действовать?

- Так ведь темно было, господин Ванзаров... – проговорил Сыровяткин и тут же понял, какую непростительную глупость сморозил. Теперь его будут держать за дурака. Чего доброго, этот Ванзаров накает рапорт в столице, и прощай теплое уютное место, выгонят в шею. Полицмейстер поник окончательно.

- Простите, Родион Георгиевич, сглупил, – вздохнул он и покаянно повесил голову.

Как ни пыталась муштровать его полицейская служба, Ванзаров не стал по-настоящему жестоким. И хоть давно перестал заявлять об этом вслух, глубоко и искренно считал, что главное качество чиновника полиции – милосердие. Как ни глупо это звучит. Чиновника полиции – вообще, а сыскной – в особенности. Вот сейчас ему стало жалко этого немолодого штатского человека, таскающего полицейский мундир.

- Ладно, Константин Семенович, с кем не бывает, – сказал Ванзаров без тени иронии. – Не знаю, как бы я сам повел себя на вашем месте. Надо искать преступника...

- Сделаю все, что в моих силах, – с жаром ответил Сыровяткин, сраженный мягкостью строгого чиновника. – Что прикажете?

- Для начала каждому городскому заклеить рот. А лучше зашить суровой ниткой.

- Это как же возможно?

– Раз невозможно, то внушите любым способом, тут я ни в чем вас не ограничиваю, что если кто-то из них, хоть случайно, хоть нарочно, проболтается, не важно где: в постели жены, или в трактире с приятелями, или на вокзале с извозчиком, – о том, что случилось ночью, я лично сделаю все, чтобы с него сорвали погонные шнуры и выгнали мести улицы. Достаточно ясно выразился?

– Куда уж яснее, – ответил Сыровяткин, тяжело вздохнув. – Можете не сомневаться, Родион Георгиевич, от нас муха не вылетит.

– Будем надеяться, что медиков связал обетом молчания лично Гиппократ, – сказал Ванзаров и по-мальчишески подмигнул.

Чего полицмейстер никак не мог ожидать. Как и другого сюрприза. На улице, ведущей к больнице, показался высокий господин в модном костюме с безразмерным желтым саквояжем.

– Это же сам... – только и выговорил Сыровяткин.

Удивление полицмейстера легко извинить. Встретить вот так, на улице скромного города Павловска звезду российской криминалистики не каждому повезет. Если про Ванзарова Сыровяткин слышал нечто неопределенное, то имя нового гостя гремело по всей России и за ее пределами.

Аполлон Григорьевич Лебедев, главный эксперт-криминалист Департамента полиции, отличился таким количеством достижений, что был знаменит не меньше оперной звезды, Собинова какого-нибудь. По его учебникам обучались будущие чиновники полиции, именно он создал антропометрическое бюро по системе бертильонажа, которое описывало приметы преступников и заносило их в картотеку. Именно он был непревзойденным знатоком научных методов определения любых веществ, найденных на месте преступления. Именно он разработал собственную методику решения сложнейшей задачи: определения следов человеческой крови. Именно он собирался первым в России испробовать метод дактилоскопии, который только-только применили в Дании в этом году.

Ко всему безграничному списку достоинств добавлялась известная ложка дегтя. О которой широкая публика ничего не знала, а Департамент полиции вынужден был терпеливо умалчивать. А именно: характер гения криминалистики. Ничего более ужасного, вздорного, мерзкого и хамского придумать было невозможно.

Только Аполлон Григорьевич мог назвать директора Департамента в лицо дураком, а участкового пристава выбросить в реку Мойку. Но ему все прощалось. Другого такого Лебедева в империи не имелось.

Его появление в Павловске говорило Сыровяткину, что дело имеет особый статус.

– Вот так и познаются настоящие друзья! – закричал Лебедев на всю улицу, помахивая сигаркой. – Прелестно! Иначе не скажешь!

Сыровяткин аккуратно покосился на Ванзарова. Теперь уже этот господин казался смущенным школяром. Как, однако, все гармонично в мире устроено!

– Аполлон Григорьевич... – просительно начал Ванзаров.

– Нет, как это мило! Дорогой друг возвращается в родную полицию – и нет, чтобы занести радостную весточку старику Лебедеву. А что он делает?

– Что? – оторопело повторил Сыровяткин, на которого нацелилась сигарка.

– Вот именно: что он делает? – грохотал Лебедев. – Убегает в какой-то Павловск, как последний жулик, каким и является...

По всей видимости, далее должна последовать сцена примерного наказания провинившегося, Сыровяткин не отказался бы ее посмотреть. Вместо этого Лебедев сгреб в объятия и так не мелко Ванзарова и душевно облобызал троекратно.

– Как же я рад вас видеть, друг вы мой драгоценный, – сказал он, прижимая к своей мощной груди Ванзарова так, что воздух вылетел из него с тихим свистом.

– И я не меньше, – задыхаясь, отвечал чиновник сыска.

– Ну, и хватит нежностей, – сказал Аполлон Григорьевич, резко отстраняя друга. – Что вы тут натворили?

– Кажется, убил жертву преступления, – ответил он.

– Когда-то надо начинать... Жертву убили? И каким образом?

– Потребовал ввести морфий страдавшей барышне.

– Морфий? Ну-ну... Разберемся. Что за тряпицу прячете?

Ванзаров немедленно передал криминалисту свернутый плащ.

– Одежда жертвы. Прошу осмотреть со всем вниманием.

Лебедев повертел черную материю и бесцеремонно сунул себе под мышку.

– Что для меня приготовили занятного?

– Я бы не хотел готовить ваше мнение, Аполлон Григорьевич. Важно, чтобы вы составили собственное впечатление о том, что увидите.

Лебедев хмыкнул.

– Вот как? Загадочки загадываем... Ну, посмотрим, насколько они крепкие. А где само тело, ради которого меня заставили трястись в мерзком поезде?

– Палата номер шесть, второй этаж, – ответил Ванзаров. – Городовой вас пропустит.

– Мертвецкая на втором этаже? Оригинально. Сразу видно – Павловск. Вот фантазеры! – и попыхивая сигаркой, от запаха которой вздрагивали лошади, Лебедев направился в больницу.

На этом празднике дружбы Сыровяткин чувствовал себя лишним. И даже немного обиженным за иронию в отношении любимого городка.

– Родион Георгиевич, вы меня представите господину Лебедеву? – застенчиво спросил он.

Зная специфическое отношение своего друга к приставам и полицмейстерам вообще, Ванзаров предпочел бы этого не делать. Но сказать прямо не решился. И отделался междометиями.

- Время позднее, а не желаете отобедать? - с надеждой спросил Сыровяткин.

- Желаю, Константин Семенович, очень желаю. Но придется поголодать.

- Как скажете... Какие будут распоряжения?

- Навестим первого свидетеля. Надеюсь, он пришел в себя.

12. Гость всегда в радость

Почтенная Марфа Семеновна с изумлением взирала на то, что творится в ее доме. Супруг ее, Василий Ильич Антонов, вел себя не то чтобы странно, а изумляюще.

Начать с того, что она чуть с ума не сошла, когда муж не явился в обычный час с заседания проклятущего Комитета трезвости, который, будь ее воля, Марфа Семеновна разогнала бы поганой метлой. Так его чуть не под руки принесли городовые. «Это как же надо было бороться за трезвость, чтобы самого Управляющего подняли из канавы?» - было ее первой мыслью. Приглядевшись и принюхавшись, Марфа Семеновна поняла, что серьезно ошиблась. Василий Ильич вовсе не был пьян, пахло от него пристойно, зато вид имел слегка безумный. Сам он ничего не рассказывал, а только выл. Городовые в смущении отводили глаза, пока Марфа Семеновна не приперла их к стене. Что опытные жены умеют не хуже палачей инквизиции.

Оказав достойное, но короткое сопротивление госпоже Управляющей, городовые признались: Василий Ильич повстречал ночью какую-то барышню, которая довела его до подобного состояния. Подробности городовые не знали или благоразумно отказались доводить до сведения супруги.

Выпроводив незваных гостей, Марфа Семеновна взялась за супруга. Тяжелая рука и крепкое слово могут куда больше, чем просто слово. Обычно Марфе Семеновне удавалось достучаться до супруга довольно быстро. Только не в этот раз. Василий Ильич оказался глух и к угрозам, и к слезам. Перестав выть, он устался в скатерть и так сидел. Все попытки любящей жены растормошить его ни к чему не привели. Так Управляющий просидел часов до девяти утра. После чего встал, пошел к буфету и вынул запретный графинчик с крепкой настойкой, которую делала Марфа Семеновна. Не спросив разрешения, муж ее опрокинул рюмку, затем другую. И все – без закуски. Тут Марфа Семеновна испугалась по-настоящему. Таким дражайшую половину она еще никогда не видела.

Между тем Василий Ильич приговорил полграфина и при этом остался трезв. Понемногу он начал отвечать на вопросы супруги. Отвечал односложно, «да» или «нет». Когда же Марфа Семеновна решила спросить про ночную барышню, муж посмотрел таким взглядом, что дальнейшие расспросы исчезли сами собой. Он так и сидел перед графинчиком, который постепенно пустел.

Минул полдень. Василий Ильич не думал вставать из-за стола и отправляться в присутствие. А тут еще и гости пожаловали. Марфа Семеновна накинулась было на Сыровяткина: «До чего мужа довели?», но на нее непривычно строго цыкнули и приказали удалиться. Другой гость не был ей знаком и произвел на бедную женщину устрашающее впечатление. Уткнув глаза в платочек, Марфа Семеновна покинула поле битвы, чего не бывало с самой свадьбы.

Пользуясь положением друга дома, Сыровяткин налил и опрокинул рюмку.

– На голодный желудок не боитесь? – спросил Ванзаров.

– Ничего, – ответил полицмейстер, шмыгая носом. – Мы привычные. Настойка Марфы Семеновны легка, как пух.

Василий Ильич глянул на гостя, молча наполнил и подвинул рюмку.

– Не побрезгуйте, Родион Георгиевич... – Сыровяткин поглядывал, как поведет себя столичный житель.

Ванзаров взял рюмку двумя пальцами и броском закинул в рот вишневую жидкость – неаристократично, зато убедительно. Авторитет его в глазах

павловской полиции вырос безмерно. От второй рюмки он благоразумно отказался.

Сыровяткин представил гостя, особо подчеркнув, что господин Ванзаров был прислан непосредственно от Департамента полиции.

- Очень рад, - еле слышно проговорил Антонов.

По-хозяйски подвинув себе стул, Ванзаров сел довольно близко, что позволительно при дружеской беседе или допросе.

- Василий Ильич, вижу, какое впечатление на вас произвела ночная встреча, - начал он нарочно тихо, чтобы дама за дверью не разобрала детали разговора, как бы ни старалась. - Но вынужден просить вас о помощи...

- Что я могу?

- Надеюсь, немало. Например, где вы встретили ее? Где точно?

Антонов неопределенно махнул рукой.

- Там, у парка...

- Я покажу, - начал Сыровяткин, но его осекли.

- Какой был примерно час? - продолжил Ванзаров.

- Какой час... Да, какой час? Вероятно, около одиннадцати...

Полицейстеру был подан знак, чтобы не смел влезать со своими уточнениями. Они и так известны.

- Было холодно?

- Нет, погода стояла чудесная...

- Луна была?

- Луна? - Антонов задумался. - Не припомню... Теперь у нас уже поздно светло.

- Понимаю, - Ванзаров участливо кивнул. - Девушка показалась вам знакомой?

- Мне она напомнила... - Антонов запнулся. - Кого же напомнила? Плащ ее... Нет, не могу вспомнить...

- Как я понял, она прыгала на месте?

- Прыгала? Вероятно... Танцевала... И еще эдак делала... - Управляющий повел рукой в сторону.

- Она смеялась?

- Кажется... Такое улыбочиво красивое лицо...

- Никогда ее не видели прежде?

- Никогда... - Василий Ильич будто что-то вспомнил и торопливо приложился к рюмке. Сыровяткин невольно облизнулся.

- Она была жива? - понизив голос, как мог, спросил Ванзаров.

Антонов посмотрел на него долгим пустым взглядом.

- Да, она была жива... - наконец проговорил он. - Но она была мертвая...

И он закрыл ладонями лицо.

- Пожалейте... - одними губами сказал Сыровяткин.

Ванзаров оказался в трудной ситуации. Он сделал вид, что ничего не заметил.

– Василий Ильич, как вы себя чувствуете?

Управляющий отнял ладони и потер мокрые глаза.

– Я?.. Уже хорошо...

В самом деле, в голосе его появилась живая нотка. Как видно, количество настойки перешло в целительное качество. Жаль, психиатры не знают рецепта Марфы Семеновны.

– Окажите любезность пройти с нами... – попросил Ванзаров.

– Куда пройти? В тюрьму? Я не хочу в тюрьму, я ни в чем не виноват. Я буду жаловаться губернатору, графу Толю...

– С тюрьмой спешить не будем, – милосердно сообщил чиновник полиции. – Мы приглашаем вас на прогулку. Подышать свежим воздухом. Не так ли, полицмейстер?

Сыровяткин имел на этот счет свое мнение, но высказывать не стал, а изо всех сил поддержал предложение. И даже поддержал самого Василия Ильича, когда тот с трудом поднимался из-за стола.

Все-таки друг познается, когда не ждешь...

13. Чистое наслаждение для глаз

Туристические путеводители, как известно, умеют отменно приврать. Описывая красоту ландшафта, наводят таких эпитетов, будто ничего лучше от сотворения мира не бывало. Но касательно парка в Павловске при Большом дворце переборщить вряд ли возможно. Красота, действительно, неопишуемая. Даже сейчас, когда деревья только покрылись молодой листвой, пейзажи расстились живописные. Впрочем, любоваться ими было особо некому. Отсутствие дачников приводило к тому, что красота тратилась впустую. Жителей Павловска и обитателей дворца красота не трогала: к ней

пригляделись так, что не замечали.

Трое господ, неторопливо шагавших по Садовой улице, казались такими вот объевшимися красотой. Что в целом было правдой. Только Ванзаров мог бы отдать должное труду строителей парка, но был занят тем, что поддерживал под руку Антонова. Управляющий хмелел на глазах. Сыровяткин шел позади, нагоняя на себя суровость.

- Василий Ильич, здесь ее заметили?

Антонов вздрогнул, словно ему предстояло опять пережить ночной кошмар, невольно прижался к плечу Ванзарова и огляделся.

- Да, вот там она стояла... - показал он, вытянув руку.

Ванзаров предложил прогуляться.

- Здесь ее догнали? - спросил он, подойдя к пятну утоптанной земли, ничем не примечательному.

- Здесь, здесь... - быстро проговорил Антонов, стараясь зайти за надежную спину чиновника сыска.

Место было ничем не лучше остальных тротуаров Садовой улицы. Справа виднелись отдельно стоящие дачные дома. Напротив зеленел парк.

- Дачи пустые, - опережая вопрос, сообщил Сыровяткин. - Хозяева придут не ранее первого мая. Сезон начинается, у нас концерт дают замечательный, все съезжаются.

- Благодарю. Проверили?

- Что именно?

- Концерт меня мало сейчас привлекает.

– Ах, дачи... А что проверять?

– Что они заколочены и никто в них не проник без ведома хозяев.

– Родион Георгиевич, да разве такое возможно!

Простота провинциальных нравов была изумительна.

– В таком случае поясните, Константин Семенович, откуда могла прийти босая барышня.

Вопрос был так прост, что оказался Сыровяткину не по силам. Как же это он сам не заметил такую нехитрую мысль: откуда бедняжка пришла?

– Проверим, – пообещал полицмейстер. – Все дома в округе проверим.

– Чудесно... – Ванзаров повернулся к Антонову. – Василий Ильич, не сочтите за дерзость, но с чего вы взяли, что барышня была мертвая? От нее пахло разложением?

Глаза Управляющего расширились до невозможности, хмель, кажется, исчез.

– Но ведь это очевидно.

– Для меня – нет.

– Так ведь сквозь нее проросли корни деревьев? Понимаете? Она восстала из земли, чтобы мстить за наши грехи... О, нет... – и Антонов повалился на руку Ванзарова.

Несчастливого следовало сдать под опеку жены. Но Ванзарову было мало. Он спросил, что за колонны белого камня дорического ордера виднеются сквозь молодую зелень. Наконец-то Сыровяткин ощутил некоторое превосходство. Ох, уж эти столичные господа, ничего-то толком не знают.

- Храм Аполлона, - наставительным тоном сказал он. - Памятник архитектуры, некоторым образом.
- А я гляжу: прямо типичный древнегреческий храм, - ответил Ванзаров, на которого навалилось тело Управляющего. - Только не говорите Лебедеву, а то он окончательно возгордится.
- Слушаюсь, - слишком поторопился Сыровяткин. - Вам помочь?
- Справлюсь. - Ванзаров перекинул размякшего Антонова на другую руку. - Лучше займитесь более важным делом.
- Каким же?
- Тем, что надо было сразу делать, хоть ночью.
- Простите, не понимаю, господин Ванзаров...
- Отправляйтесь к фальшивому строению, близко сами не подходите и никого - повторяю: никого - не подпускаете. Хоть великий князь возжелает туда пройти.
- Но как... - начал было Сыровяткин.
- Не хватит вашей власти, сошлитесь на строжайший приказ директора Департамента полиции. Я разрешаю. Продержитесь не больше часа, пока я с Лебедевым подоспею...
- Слушаюсь...
- Повторяю в третий раз: никого. Ни военного, ни штатского, ни даму, ни придворного.
- Не беспокойтесь, Родион Георгиевич...
- Рад бы, да не могу, - последовал ответ. - Пришлю вам в помощь первого встречного городского. Вдвоем не так страшно.

– А чего бояться? – спросил Сыровяткин.

– Вдруг кто-нибудь еще из-под земли полезет...

И крепко подхватив Антонова, который еле переставлял ноги, Ванзаров оставил полицмейстера биться над загадкой: шутка ли это была?

Простая задача: взбодрить Сыровяткина – была решена одним махом.

14. Сомнений шумный рой

Нельзя сказать, что долгая служба в криминалистике сделала Лебедева бесчувственным чурбаном. По-своему он переживал за каждую жертву. Только его сочувствие выражалось в конкретных формах: поиске улик, выявлении фактов и определении истинных причин происшедшего. За долгие годы службы в полиции он насмотрелся всякого. Вряд ли какой-нибудь преступный гений мог изобрести нечто такое, что повергло бы его в шок и трепет. А если к личному опыту добавить багаж знаний о том, что человек за многие века цивилизации умудрился вытворять над себе подобными, начиная от пыток Нерона и заканчивая изощренными фантазиями инквизиции, то шансы преступника удивить криминалиста сводились к нулю. И все-таки Аполлон Григорьевич некоторым образом был выбит из привычной брони. Выйдя на свежий воздух, он вертел сигарку, никак не находя душевной точки опоры. Он не снял широкий кожаный фартук и длинные перчатки толстой резины. Взгляд его бродил в чистом весеннем небе Павловска.

Появление чиновника сыска не было удостоено движения его бровей. Прекрасно зная повадки великого друга, Ванзаров не стал лезть с вопросами, а набрался терпения. Хитрость имела успех. Аполлон Григорьевич вздохнул и наконец удостоил друга косого взгляда.

– Как успехи? Мастерство не растеряли от безделья?

– Там видно будет, – ответил Ванзаров.

– Психологику вашу уже расчехлили?

Отвечать Ванзаров не счел нужным. Почитая его талант поиска преступников, Лебедев не мог смириться с тем, что младший друг изобрел и успешно использует методику, которую называл психологией. Лебедев ревновал и не мог принять, что кто-то, кроме него, может придумать нечто похожее на научный метод. Он называл психологику лженаукой, а порой и шарлатанством. А ведь при помощи этой психологии Ванзаров всего-то оценивал характер человека и делал логический вывод о том, как этот характер будет действовать в той или иной ситуации. Никаких формул или метрических таблиц психология не требовала, нуждалась в остром уме, наблюдательности, опыте и понимании причин человеческих поступков. То есть материях неточных и относительных. Что безмерно раздражало Лебедева. Особенно когда психология приносила неожиданный результат.

– И что вы от меня ждете? – немного раздраженно спросил он.

– Время смерти мне известно, – ответил Ванзаров. Сейчас надо было взвешивать каждое слово. Психология успешно работала не только против преступников. Оттого, вероятно, Лебедев и не любил ее.

– Да, мне сообщили. Кстати, этот Шадрин, санитар, толковый малый. Помог тело перенести и вообще дельно рассуждает...

– Рад слышать.

Лебедев скомкал в кулаке сигарку и швырнул под ноги.

– А вот мне радоваться нечему.

– Кроме вас, некому ответить на второй главный вопрос, – как мог мягко, сказал Ванзаров.

– Это какой же?

– Как такое возможно...

- И что вы от меня хотите услышать?

- То, что может сказать только великий криминалист.

Аполлон Григорьевич раздраженно отмахнулся.

- Перестаньте, друг мой, не пытайтесь ко мне подлизываться. Ваши старания вижу на три шага вперед.

- Неужели все так плохо? - спросил Ванзаров.

- Плохо то, что я не могу признавать очевидный факт. И, тем не менее, это есть. Доказательство лежит на столе в мертвецкой...

- Почему не можете?

Лебедев широко развел руками.

- А то вы не понимаете! Девуцу, симпатичную, надо сказать, нашпиговали, как поросенка чесноком!

- Вам такое попадалось?

- Чтобы молодое человеческое тело в двух десятках мест продырявили толстым шилом или заостренным прутом, а потом в эти дырки воткнули ветки, как в клумбу? Причем воткнули так, чтобы вытащить было невозможно: изнутри обломки веток загнуты и упираются в кожный покров? Нет, мне такое не попадалось!

- Там у нее на груди еще...

- Это сущий пустяк! - Аполлон Григорьевич резким жестом словно бы отменил возражения. - Всего лишь срезали кожу тонкими полосками вроде какого-то иероглифа.

- Астрологический знак, - сказал Ванзаров.

– Что?

– Знак Льва.

– О, ну тогда совсем другое дело! – и криминалист выразился так, что уши матерого извозчика покраснели бы от стыда.

Этому Ванзаров был рад: Лебедев выпустил пар и теперь способен нормально вести беседу.

– Аполлон Григорьевич, объясните, каким образом барышня с такими ранами смогла прожить не менее двенадцати часов, при этом была счастлива, передвигалась сама и, по словам свидетелей, танцевала?

– Для танцев у нее отлично развита мускулатура икр. И имеются мозоли на пальцах ног, что говорит вот о чем – она танцует много и часто, – последовал уклончивый ответ.

– Разве человеческий организм может вынести такое страдание?

– Не только страдание, там налицо заражение крови, кровопотеря.

– Каков ваш вердикт? – Ванзаров не отставал, хуже репейника.

– Могу сказать, что ни один жизненно важный орган ветками не задет, – сказал Лебедев. – А как она это вытерпела... Не знаю. Радуйтесь. Да, я не знаю...

– Радоваться нечему. Возможно, морфий?

– На такое время никакого морфия не хватит. Тем более, не нашел следы от уколов. Предположу какой-то особый состав. Взял образцы крови, тканей, содержимое желудка. Будем разбираться... Кстати, не льстите, что ваше указание ввести морфий ее убило. Скорее всего, просто закончилось действие обезболивающего.

– Благодарю, вы сняли с души моей камень...

– Позвольте! – Лебедев упер руки в бока кожаного фартука. – Это вы из меня второй главный вопрос вытягивали, а какой же первый?

Можно было чуть-чуть поиграть с терпением великого криминалиста, доведя его до грани. Что Ванзаров и проделал.

– Первый главный вопрос... – он нарочно растягивал слова, как будто раздумывал прямо сейчас, – очевиден: для чего ее отпустили?

Кажется, Лебедев ожидал услышать нечто иное.

– И что в нем такого важного? – спросил он.

– Психологика... Ой, простите... – Ванзаров даже похлопал себя по губам. – Некий преступник заманивает барышню под неизвестным предлогом. Как я понимаю, сопротивления она не оказывала?

– Следов от веревок на запястьях и щиколотках нет. Под ногтями чисто.

– Благодарю... Предположим, что барышня добровольно ложится на медицинский стол, ей вводят некое средство, вырезают на груди знак Льва, протыкают множеством веток. Допустим, ей хорошо, она ничего не чувствует, она счастлива. Зачем ее отпускать? Зачем не оставить там, где все это было проделано над ней? Или не умертвить и не уничтожить тело, насладившись содеянным?

Аполлон Григорьевич хотел ответить быстро, но, немного задумавшись, промолчал. Ванзаров не торопил.

– А действительно, не подумал. Вот она, привычка иметь дело с трупами. На самом деле: для чего ее выпустили?

– В таком состоянии она убежать не могла, – продолжил Ванзаров.

– Исключено.

– Второй факт: плащ. Ей специально оставили только плащ. Для прогулки. Кстати, на нем есть что-нибудь?

Лебедев покачал головой.

– Следы от веток, но я еще раз более тщательно проверю.

– Ее одежда осталась где-то там. А саму жертву выпустили. Вопрос: зачем? Кого хотели напугать? Что хотели этим сказать? Во что идет игра?

– Да уж, вопросыки... – только и мог сказать Аполлон Григорьевич.

– Исключаю, что цель этого эксперимента – привести господина Антонова в полубезумное состояние. Хотя испугался бедняга крепко.

– Могу себе представить...

– Встретить ночью барышню в потеках крови, с торчащими отовсюду ветками, улыбающуюся и танцующую. Нервы должны быть, как у вас, Аполлон Григорьевич...

Криминалист согласно кивнул.

– Жаль беднягу.

– Недаром она показалась Антонову выходцем с того света: мертво-живая...

– Ходячий мертвец! Подумать только! Нет, ну вы меня своими готическими сказками до дрожи напугали. – Лебедев вытащил очередную сигарку и пристроил в зубах. – История занимательная. Только сами как на свой вопрос ответите? Я-то вас как облупленного знаю, уже, небось, вывод готов?

– Только предположение, – сказал Ванзаров.

– Не томите, друг мой!

– Ритуал.

По лицу Аполлона Григорьевича расплзлось брезгливое выражение, будто ему сообщили антинаучную глупость.

– И только? Ну, не знаю...

– Во всяком случае, нас хотят в этот убедить, – добавил Ванзаров. – Проверить будет несложно.

– Каким образом?

– Мне не понятно другое: почему преступник был так уверен, что барышня не придет в себя и не откроет, кто с ней сделал это?

– А почему вы меня об этом спрашиваете?

– Аполлон Григорьевич, простите за дерзость: вы осмотр тела тщательно провели?

Проговорив дерзость, Ванзаров на всякий случай зажмурился. И было от чего. Лебедев чуть не лопнул от возмущения. Другая сигарка закончила свою судьбу в его кулаке.

– Ну, знаете! – только и смог выдохнуть он. – От кого уж, от кого, а от вас я такого не ожидал! Нет, вы явно растеряли мозги в отставке...

– Ну, простите, болтнул глупость, – примирительно сказал Ванзаров.

– То-то же! – При всем ужасном характере Лебедев был отходчив, как быстро сгорающий порох. – Ладо уж, идите, играйте с вашей психологией. А я тут еще немного покопаюсь – и к себе. Утомил меня что-то Павловск.

Санитар Шадрин поднялся с лавочки, готовый оказать любую услугу звезде криминалистики. Его призвали величественным жестом. Аполлон Григорьевич любил славу и почет, даже мелкий. Хоть не признавался в этом.

15. В лесах и дубравах

Сыровяткин держался мужественно. Напустив грозно-полицейский вид, он прохаживался от куста до куста. Жаль, пугаться облика полицмейстера было некому. В дворцовом парке, как назло, не оказалось ни одного гуляющего. Городовой Никитин, попавшийся Ванзарову под руку, не сомкнул глаз с прошедшей ночи, а потому взирал на марши своего начальника с сонным равнодушием. А на храм греческого бога тем более. Посмотреть же было на что.

Открытая полуанфилада окружала памятник Аполлону, который, откинув божественную руку, указывал, куда следует направляться музам и их поклонникам в поисках высокого классического искусства. К основанию памятника вела уступчатая лестница, завершавшая ансамбль. Весь комплекс густо утопал в деревьях и кустах, словно созданный не человеком, а самой природой.

Ванзаров не столько наслаждался красотой искусственной древности, сколько осматривал подходы к храму. Пройти сюда незаметно было возможно, а при желании оставаться сколько угодно. Даже в молодой зелени храм был укрыт основательно от посторонних глаз. Чтобы увидеть то, что происходит около него, надо специально подойти вплотную. Такое могло прийти в голову только путешествующим туристам, осматривающим окрестности. Местные жители и дворцовые обитатели редко удостаивали храм ленивым взглядом.

Городовой заметил столичного гостя и предупреждающим кашлем дал знать. Сыровяткин подбежал и доложил, что за истекшее время к месту полицейского оцепления никто не посмел приблизиться.

– Благодарю, Константин Семенович, – сказал Ванзаров, озираясь по сторонам. – Теперь за дело.

– Что прикажете?

– Ищите следы.

– Крови? – дрогнув голосом, спросил Сыровяткин.

– Срезанные насаждения ищите. Никитин, не стойте, займитесь осмотром.

Полицейские отправились по кустам. Что было и нужно, чтобы не мешались под ногами. Внимательно глядя себе под ноги, Ванзаров подошел к лестнице и по самому краю поднялся на верхнюю площадку. Теперь Аполлон простирал ладонь над его головой. Ванзаров мысленно передал привет древнему богу от современного тезки-криминалиста и стал осматривать поверхность мраморных плит. После зимы храм еще не убрали и не вычистили. Разнообразный мусор щедро покрывал подножие. Со своего места Ванзарову была видна вся поверхность памятника. Никаких следов на ней не обнаружилось. Вероятно, предположение было ошибочным.

– Ваше благородие! – Никитин замахал от ближних кустов.

Ванзаров спустил протоптанной дорогой.

Городовой стоял рядом с густым кустом, название которого известно только садовникам. На ветках проклюнулись липкие листочки. Ничего особенно в этом насаждении не было. За исключением того, что часть веток были срезаны под острым углом. Ванзаров не поленился их посчитать. По сравнению с количеством тех, что были воткнуты в тело, расхождение составило три ветки. Видно, отрезали с запасом. Сыровяткин рассматривал находку с суровым вниманием.

– Вот, значит, как... – проговорил он со значением.

– Видите что-то важное? – спросил Ванзаров.

– Что уж... И так понятно, откуда ветер дует.

– И откуда? Поделитесь, полицмейстер, ваши соображения могут быть чрезвычайно важными для розыска.

– Оттуда все... – ответил Сыровяткин, сопровождая выразительным кивком. В стороне, куда указывал подбородок полицмейстера, виделись флигели Большого дворца.

– Вы искренно так полагаете?

Сыровяткин тяжело вздохнул.

– Да вы сами уже все поняли, Родион Георгиевич, – сказал он. – Только вслух об этом говорить не позволительно. Как только убийцу искать будем, ума не приложу...

– Кто из императорской фамилии сейчас пребывает во дворце?

Такими сведениями полицмейстер Павловска должен владеть по долгу службы, а не узнавать с языков сплетников.

– Великий князь Андрей Владимирович [2 - 4-й сын его императорского величества великого князя Владимира Александровича (дяди Николая II), внук Александра II.], – перейдя на шепот, сообщил Сыровяткин. – Молодой человек, сами знаете. Готовится к поступлению в Александровскую военно-юридическую академию. Далее – умолкаю. Причины вам известны.

Произнесенное имя было слишком значительным, чтобы обсуждать его. Особенно в присутствии городского.

– Ваша рассудительность делает вам честь, – заметил Ванзаров. – Но вы правы, убийц искать надо. Кроме нас с вами, сделать это некому.

Сыровяткин согласился бы не иметь к этому вовсе никакого отношения, но выбора у него не было.

– Как прикажете, – с тяжким вздохом сказал он.

Ванзаров повертел головой и заметил что-то за торчащими кустами.

– Никитин, не затруднит взглянуть, что там?

Городовой неторопливо отправился, куда ему было указано, нагнулся и поднял нечто цветастое, скрученное в шар. находка его, кажется, удивила куда больше Ванзарова. Что до Сыровяткина, то сил удивляться у него не осталось.

Шаром оказался набор женской одежды. Многие детали, которые мужчинам даже видеть неприлично – не то чтобы касаться. Ванзаров надеялся, что хоть где-то на белье или платье найдется фамилия владелицы. Но инициалов нигде не было вышито. Все-таки задача упрощалась. Платье по виду не только модное, но и дорогое. Такие шьют в считанных салонах столицы. Один из них чиновник сыска знал неплохо, хоть и был лишен тихого счастья мужа оплачивать наряды жены.

– Ну, теперь уж все ясно окончательно, – сказал Сыровяткин, наблюдая, как одежда снова сворачивается в ком.

– Вот теперь я бы не торопился с выводами, – ответил Ванзаров, протягивая сверток полицмейстеру. – Будьте любезны передать это господину Лебедеву.

– Как прикажете... – Сыровяткин брезгливо принял одежду и тут же передал ее городовому, словно она была заразной. – А вы куда, Родион Георгиевич?

– Надо срочно вернуться в столицу, хочу заглянуть в Императорскую библиотеку, – ответил Ванзаров.

Сыровяткин кивнул понимающе, но про себя подумал: «Вот привычки у этих столичных господ. Убийство непонятно как раскрывать, а ему книжечку захотелось почитать! Ну и ну...»

– Кстати, Константин Семенович, совсем забыл! – Ванзаров притронулся указательным пальцем ко лбу. – Где у вас проживает некий Трупп?

– Кто, простите, проживает? – Сыровяткину и так уже хватило живых мертвецов, чтобы теперь еще и труп проживал.

– Фамилия, скорее всего, немецкого происхождения. Вероятно, проживает не постоянно, а снимает дачу или владеет ею.

– Могу вас уверить, Родион Георгиевич, что жителя с подобной фамилией в Павловске нет и не было, – сообщил Сыровяткин со всей полагающейся в такую минуту ответственностью. – Еще не хватало трупов...

– На нет и суда нет, а тем более каторги, – мирно согласился Ванзаров.

– Вам пролетку найти или на поезде? – любезно поинтересовался Сыровяткин. – Ближайшее отправление через час...

– Благодарю. Рассчитываю что господин из... – тут Ванзаров вовремя осекся, – ...в черном, который весь день неприметно следует за мной, не откажется подвезти в столицу.

И Ванзаров помахал человеку, который все так же незаметно держался за дальними деревьями.

16. Прикосновение к высокому

Дорога в столицу прошла в приятном молчании. Господин в черном вопросов не задавал, а болтать самому причины у Ванзарова не было. Вскоре карета подъехала к полицейскому дому на Офицерской улице, в котором располагался второй участок Казанской полицейской части Петербурга вместе с приставом, а над ними – сыскная полиция.

Ванзаров поблагодарил молчаливого спутника за доставленное удовольствие и попросил передать господину Ратаеву, что будет у него с докладом через несколько часов: необходимо навести некоторые справки по сыскной картотеке. Господин в черном понимающе кивнул.

Зайдя в приемное отделение участка, Ванзаров приветственно помахал знакомым чиновникам. Весть о его возвращении, кажется, проникла во все уголки полицейского мира. Ванзаров пожал руки каждому, не забыв отдохавших городских, чем сильно их порадовал. Наверх не пошел, а выглянул на улицу. Кареты с черным господином уже не было. Выйдя через полицейские конюшни на Львиный переулок, Ванзаров дальней дорогой, по Елизаветинскому каналу, прошел на площадь, где возвышалось здание Императорского Мариинского театра. Нельзя искать смысл в соседстве оперы и сыска. Вероятно, он есть, но лежит столь глубоко, что докапываться нет никакого толка.

Около театра возвышалась афишная тумба. Ванзаров изучил ее самым тщательным образом. Его особо заинтересовала афиша спектакля «Лебединое озеро», в котором сегодня должна выступить новая исполнительница сольной партии. По последней моде фотопортреты хороших балерин стали печатать на афише. Что Ванзаров чрезвычайно приветствовал. Ничто не украшает балет так, как милое личико танцовщицы. Не говоря о ее ножках.

Запросто войти в Императорский театр полиция вообще, а сыскная в частности, не могла. Это не какой-нибудь частный театр вроде московского театра Корша или петербургского «Аквариума». Тут храм имперского искусства, но все же Ванзарову удалось проникнуть через служебный вход и добраться до артистического управления. Он спросил директора балетной труппы, чем вызвал усмешку секретаря: господин Петипа не принимает кого ни попадая и вообще отдыхает. Грозное имя сыскной полиции не произвело на молодого человека в прекрасном костюме никакого впечатления. Он милостиво предложил заглянуть к помощнику главного балетмейстера, господину Легату.

Ванзаров нашел его в репетиционном зале. Господин помощник на первый взгляд казался довольно скромным и сдержанным. Лицо его украшали аккуратные усы, заметно уступавшие ванзаровским крыльям. Прервав репетицию с какой-то юной балериной, он подошел и спросил, чем может служить. Узнав, что перед ним чиновник сыскной полиции, Легат несколько удивился такой чести. Ванзаров объяснил свое появление тем, что проводит проверку по делу, не имеющему отношения к театру. Чистая формальность.

- Госпожа Вольцева служит у вас? - спросил он.

- Она входит в состав балетной труппы, - ответил Легат. - Сегодня танцует в «Лебедином» сольную партию. Заранее прошу простить: билетов у меня нет, даже для уважаемой сыскной полиции.

Если бы Легат знал отношение Ванзарова к театру вообще, а к балету в особенности, он сильно бы удивился, что в столице водятся личности, которые так не любят, если не сказать - так презирают сценическое искусство. Ванзаров отклонил подозрения в желании пробраться на спектакль.

- Вероятно, будущая прима?

Легат еле заметно дернул усиками и произнес:

- Способности есть, главное, чтобы они получили правильное развитие. Два года – слишком малый срок для юной танцовщицы. Время покажет.

На языке у Ванзарова вертелся главный вопрос, но задать его было немисливо. Спросить: «Кто является щедрым покровителем юного таланта?» – нельзя было и подумать. Внешние рамки приличия не позволяли говорить вслух то, что было известно каждому. Во всяком случае, каждому в театральном мире. В этот мир Ванзаров не был вхож, и филеров туда не зашлешь, придется искать обходные пути.

- Когда вы видели ее последний раз?

- Вчера утром на репетиции.

- Сегодня перед спектаклем разве не надо репетировать?

- Она попросила отдых, – сказал Легат. – Это вполне позволительно.

- Сегодняшний спектакль для нее важен?

Вопрос разоблачал полного невежу в театральных делах. Легат вежливо улыбнулся.

- Сегодня, в некотором смысле, решается ее артистическая судьба. Насколько публика ее примет, насколько балерина раскроет грани своего таланта, в который все мы верим.

Вольно или невольно Легат сказал больше, чем следовало. Очевидно, за обычной и ничем не примечательной балериной, каких табун бегают за кулисами, стоит кто-то влиятельный, давший барышне редкий шанс.

- Говорят, в театре у каждого есть враги?

- Как и везде, – ответил Легат чрезвычайно уклончиво.

- Кто претендовал на сегодняшнюю партию госпожи Вольцевой?

- У нас большая труппа, пробиться к вершинам хотят многие. Удастся только единицам. Для этого нужно много трудиться...

- Она проживает... - Ванзаров вытащил из кармана библиотечную карточку, затерявшуюся там, и старательно прочел перевернутое название немецкого исследования о стойках: - ...по адресу: Невский, дом десять?

- Вовсе нет, - отрицательно замотал головой Легат, - в доме на Екатерининском канале...

И он назвал новый роскошный дом, из которого так удобно пройти до театра. Буквально пять минут, не больше, чтобы балетные ножки не устали. Ванзаров охотно признал свою ошибку в адресе.

- Когда госпожа Вольцева должна явиться на спектакль? - спросил он.

- Самое позднее, к пяти часам. Ей еще нужно размяться. Если желаете, можете ее дождаться в артистическом управлении.

- Благодарю, в этом нет необходимости.

- Как знаете, - пожал плечами Легат. - А все же не соизволите пояснить, чем вызван интерес полиции к нашей балерине?

Ванзаров не имел права говорить правду. Это могло создать вредные последствия для розыска. Ему хотелось иметь фору в несколько часов, пока все не станет известно в Петербурге. Тем более оставался маленький шанс, что ошибся он. А спектакль... Ванзаров решил, что Императорский театр как-нибудь выкрутится. На то он и театр. Тем более, открывается шанс блеснуть какой-нибудь другой юной звездой. Он отделался путаным и невнятным объяснением.

Кажется, Легат ему совершенно не поверил. И встревожился.

17. Многия язы?ки

Один из частных выводов психологики гласит, что прислуга должна быть похожа на хозяина. Как похож хороший пес.

Дверь открыла девушка в фартуке горничной и одним своим видом низвела психологику из разряда почти точной науки в ранг жуликоватого искусства. От чего Аполлон Григорьевич злорадно бы торжествовал, если б прознал. Действительно, прислуга балерины Императорского театра была крепка телом, как хуторская крестьянка, привыкшая и сено ворошить, и поросят резать. Лицо круглощеко, румянец багровеет свеклой, шее позавидовал бы цирковой борец. Пальцы девушки, теребившие фартук, походили на упругие сосиски.

- Та? - спросила она с сильным чухонским акцентом[З - Акцент жителей герцогства Финляндского, приехавших на заработки в столицу.].

- Барышня Вольцева здесь проживает? - спросил Ванзаров, прикидывая, для чего балерине понадобилось это упитанное чудо.

- Прожифает, та. А ви кто есть?

- Сыскная полиция, - ответил он, глядя напрямиком в маленькие глазки, в которых промелькнул испуг.

- Полицья? Хосьяка никак нет дома...

- Когда она уехала?

- Утром, вчера день.

- Во сколько?

- За полдень... Да.

- До сих пор не вернулась?

– Я очень волновался, – ответила горничная, стараясь в своем большом и удобном теле найти признаки беспокойства и предъявить их.

– Как зовут?

– Ирма... ваше высокопревосходительство.

Не самое легкое словосочетание в русском языке, к тому же не подобающее чиновнику сыска, прозвучало на удивление чисто.

– Полиция имеет право войти в любой частный дом для проведения розыска или дознания по вновь открытому делу, – сообщил Ванзаров, крепко рассчитывая на неосведомленность прислуги в русском праве. Не хватало, чтобы от него потребовали дозволения прокурора. Ирма поняла только одно: важный господин из полиции хочет пройти в дом. Выбора у нее было не много. Вернее, совсем не было. И горничная посторонилась. Ванзарову пришлось протискиваться бочком, чтобы не задеть роскошное тело.

Зато на обстановке квартиры психологика отыгралась. Именно так должно выглядеть гнездышко восходящей звезды балета, жалования которой, без явной поддержки заинтересованного лица, и близко не хватит на модную мебель, французские гардины, мейсонские фарфоровые безделушки и изящные картины. Во всем этом изобилии для сыска было мало пользы. Ванзарова интересовали фотографии. К счастью, их было в избытке. Целую стену покрывали рамки. В основном они представляли хозяйку дома в балетных позах. Последние сомнения отпали, можно считать, что тело опознано. На сегодня Императорскому театру точно понадобится новая солистка.

– Знаете, куда уехала мадам Вольцева? – спросил Ванзаров, оборотясь к горничной.

– Город... Пафловськ... – выговорила она.

– Часто туда ездит?

– Никогда... Только теперь.

- В этом доме года два служите?

- Да-да, так. Не жалею, спасибо...

- Где у мадам дача?

- Ми ездить в Шуфалофо, - ответила Ирма. - Там дом. В этот год должны ехать.

- Каждое лето?

- Та, каждый...

На столике, покрытом дорогими брабантскими кружевами, стояло несколько рамок, очевидно, самых дорогих для балерины Вольцевой. На одном фото две девчушки в белых платьях крепко обнимали друг друга.

- У вашей хозяйки в Павловске живет сестра?

Ирма отчего-то потупилась.

- Та...

Причина застенчивости могла быть только одна.

- Они не общаются?

- Как не хорошо, та! - Ирма старательно качала головой. - Сестры, та!

- В чем причина размолвки?

Ирма выразительно закрыла рот подолом фартука.

- Полиции можно говорить все, как пастору, - сообщил Ванзаров. - Пастору все говорите?

Горничная покорно кивнула.

– Считайте, что я пастор. Итак?

Ирма оглянулась, что в закрытой квартире было довольно странно, подошла к Ванзарову и что-то торопливо шепнула на ухо. Чиновник сыска искренно не разобрал словесной каши.

– Что-что? – не лучше глухого старика переспросил он.

– Она... Революционерка! – произнесла Ирма, в ужасе от содеянного зажала рот ладошкой.

Понятно... Для балерины Императорского театра непозволительная роскошь иметь родственницу с запятнанной репутацией. Невозможно, чтобы сестры, собравшись за родительским столом, делились успехами: «Я вальс феи Драже вчера танцевала», «А я в губернатора бомбу метнула». Тут одно из двух. Как видно, Вольцева выбрала искусство и отдалилась от сестры. Но была причина куда более веская, почему сестры прервали общение. Причина эта была на виду, среди тех же дорогих рамок. Ванзаров бесцеремонно указал на нее пальцем.

– Этот господин часто бывает тут и на даче в Шувалове, он оплачивает ваши счета? – О протезировании партии в «Лебедином озере» он поминать не стал.

Молчание горничной было красноречивей оправданий. Психологика торжествовала маленькую победу: ради такого покровителя Вольцева готова была на все. А уж порвать с сестрой – и подавно. Да и любая балерина мечтала бы иметь покровителя из царствующей семьи. Только что-то заставило ее броситься не к нему, а к сестре. За какой такой помощью?

– Распоряжение полиции, – строго сказал Ванзаров. – Бегите на улицу к ближайшему посту, приведите сюда городского. Будет упираться – пригрозите моей фамилией. Ясно?

– Та... – в испуге проговорила Ирма.

– Повторите мою фамилию.

– Фантзароф...

– Сойдет... Бегом!

Подхватив юбки, Ирма побежала вон. Оставив дом в полное распоряжение чиновника полиции. Что ему было и надо. Заниматься обыском без всякого основания даже в таком деле Ванзаров не мог.

Времени было мало, действовать приходилось быстро. Ванзаров прошел по всем местам, где женщины имеют обыкновение устраивать свои маленькие тайники. Ничего особенного не обнаружилось: пачка ассигнаций тысяч на пять, явно на черный день, любовное письмо «от него», которое, при случае, могло стать козырной картой в политической игре, заграничный паспорт, дававший право выезда из страны. Все это не имело явного отношения к нынешнему делу. Зато под периной Ванзаров нащупал книжицу в твердом переплете. Это оказался личный дневник. Записи были краткие и немногочисленные. В основном отмечались встречи с «ним» и прочие женские страдания. А вот 19 марта появилась совсем другая запись:

«Что бы ни случилось, это не сломит меня. Никакие трудности не станут преградой к моей мечте – блистать на императорской сцене. Я все смогу, я верю, мне хватит сил. Это испытание послано мне, чтобы я доказала, что он не зря в меня поверил. Только бы хватило сил».

Последние строчки в дневнике. Ничего, кроме них, за неделю так и не появилось. Не было записей о планах Вольцевой на прошедший день.

Из прихожей донесся грохот. Ванзаров воровато сунул дневник на место и, заложив руки за спину, с невозмутимым видом появился в гостиной.

– Что так долго? – строго спросил он козырнувшего городского, которого помнил по второму Казанскому участку.

– Так ведь, ваш бродь, не понять, чего тютёха эта хочет! – принялся оправдываться он. – За локоть тащит, чуть руку мне не вырвала.

– Я говорить! Я говорить! – чуть не плача, вскричала Ирма. – Фонфароф! Фонфароф!

Городовой пошевелил в воздухе пальцами: дескать, попробуйте сами разберите!

– Егоров...

– Так точно, ваш бродь, у нас все рады, что вы вернулись.

– Ладно вам, – смутился грозный Ванзаров. – Значит, так. Горничной дать собрать личные вещи – и закрыть квартиру. Потом мигом в сыскную, передайте мое распоряжение: квартиру опечатать, пусть пришлют любого чиновника с веревкой и печатью. Ключ в сыскной оставить, дворнику не отдавать, дубликат у домовладельца изъять.

– Слушаюсь!

Ирма напряженно вслушивалась, пытаясь понять, о чем говорят эти страшные господа. Но понять быструю речь не смогла.

– Вам придется искать новое место, – сообщил ей Ванзаров. – Городовой даст время собрать вещи. Вам все ясно?

– Та... Та... Асно... – повторяла Ирма. Глаза ее наполнились слезами.

Женские слезы оказывали особо размягчающее действие на чиновника сыска, но сейчас ему требовалось быть тверже стали. Он отвернулся.

– И еще, – чтобы отвлечься, Ванзаров обратился к Егорову. – Если прибудет сюда посыльный из театра, сообщите ему... Сообщите, что для спектакля надо срочно искать новую балерину.

Городовой обещал передать в точности.

В желтой громаде Министерства внутренних дел, что располагалось на Фонтанке у Цепного моста, скрывался неприметный кабинет, выходящий окнами на речку. В кабинете этом располагался самый опасный для всех революционеров чиновник – заведующий Особым отделом департамента полиции. Он так умело создал себе репутацию грозного защитника устоев, что многие были уверены: именно Ратаев, и никто другой, держит стальной рукой гидру революции за горло. Стоит ему ослабить хватку – конец всему, развал, гибель и прочие ужасы. Сколько было в этом правды, а сколько умело слепленного мифа, вероятно, не знал и сам Ратаев.

Соображения эти мало беспокоили Ванзарова: ему предстояло сдать особый экзамен. Нельзя испытывать иллюзии, чем был этот первый доклад. Ванзаров и не испытывал. От предложенного чая отказался, сразу перешел к делу.

Ратаев демократично сел напротив него за стол для совещаний, слушал с подчеркнутым интересом. Описание внешнего вида жертвы и раны оставило его равнодушным. Зато он сразу среагировал, когда Ванзаров назвал время смерти.

– Следовательно, к вашему появлению она была жива?

– Именно так, – согласился Ванзаров. – Полицмейстер Сыровяткин был настолько испуган, что немного сгустил краски в ночном донесении.

– Какой ранимый полицейский. Плохо, что личность жертвы не установлена.

– Не совсем так. Это Надира Вольцева, балерина Императорского Мариинского театра. Сегодня должна танцевать сольную партию в «Лебедином озере».

Судя по дрогнувшим бровям, Ратаев был удивлен. Или сам собирался быть в Мариинском сегодня.

– Каким образом вы это выяснили? – спросил он.

– Случайно. Заметил ее фотографию на афише.

– Для чего же она оказалась в Павловске накануне премьеры?

- Установить пока невозможно, - ответил Ванзаров. - Этому есть веская причина.

- Не затруднит ее изложить, Родион Георгиевич?

- Она очевидна: способ убийства.

- Что вас смущает?

Вопрос не подразумевал эмоций, как дискуссия врачей над телом больного.

- Судя по тому, что было обнаружено в храме Аполлона, это ритуальное убийство. Вернее: мистическое, которое сопровождал ритуал особого рода.

- Кровавое жертвоприношение?

Ванзаров аккуратно кивнул.

- Вы это серьезно или желаете произвести впечатление? - спросил Ратаев.

Обмануть такого человека не стоило и пытаться.

- Во всяком случае, в это заставляют нас поверить, - сказал Ванзаров.

- Это разумное замечание.

- В любом случае тут может быть замешана одна персона...

- Здесь вы можете называть любые имена.

Ванзаров назвал. Судя по затянувшемуся молчанию, заведующий Особым отделом был в курсе балетных предпочтений названного лица.

- Кто еще знает об этом? - наконец спросил он.

- Это только мое логическое заключение. С учетом того, где это лицо сейчас находится.

- Как вы будете использовать эту информацию?

- Она не попадет ни в один протокол.

Ратаев впился в Ванзарова взглядом, как клещами. Но тут сила нашла на силу. Чиновник сыска не отвел глаза.

- Родион Георгиевич, я искренне верю, что вам удастся распутать это дело до конца. Для этого у вас есть умения и талант, - сказал Ратаев. - Но вот вопрос: как вы собираетесь воспользоваться плодами своей победы?

- Мое дело найти факты и передать их вам, - ответил Ванзаров.

- Благодарю за честность, - сказал Ратаев, вставая и подавая руку. - Держите меня в курсе ежедневно. В случае необходимости - телефонируйте, мой номер вам известен. Любая помощь, какая будет нужна, будет предоставлена вам незамедлительно...

Ванзаров поклонился и вышел. Когда дверь за ним плотно затворилась, в кабинете, как будто ниоткуда, появился все тот же господин в черном.

- Держать под постоянным наблюдением, - сказал Ратаев, разглядывая столешницу. - Слишком умен и хитер, ломает из себя простачка. Себе на уме. Не упускать его ни на секунду. Все проверять. Недопустимо, чтобы важные сведения мне приходилось узнавать от него. Это безобразие, ротмистр. Задействовать всех наших людей в Павловске. Вызывайте на подмогу московский летучий отряд[4 - Особый отряд полиции, набранный из самых подготовленных сотрудников, использовался в качестве прототипа полицейского спецназа, выезжал при необходимости из Москвы в разные города страны.]. Вижу, их помощь понадобится.

Господин в черном привык исполнять приказание молча. Он растаял, как и появился: беззвучной тенью.

19. На сон грядущий

В полицейском доме города Павловска царило умиротворение, какое случается в любом казенном учреждении в провинции, когда высокое начальство убралось с глаз долой, пожурился и пригрозил, но, в сущности, сурово не наказав, а на грешки милостиво закрыв глаза. Теперь все пойдет, как прежде, неторопливо и по-семейному. Городовые, уморенные долгим днем, развалились на лавках в приемной части, оставив улицы под охраной наступившего вечера. Да и что может случиться. После такого в Павловске лет десять ничего не произойдет. Во что каждый из них искренне верил.

Сыровяткин, уставший куда больше подчиненных, что и должно быть, все-таки груз ответственности и прочее, окончательно выпустил вожжи, предоставив участку делать что вздумается, удалился в свой кабинет, расстегнул мундир и вынул из книжного шкафа графинчик с прозрачной жидкостью. Пить в горе и в радости в одиночку полицмейстер не умел. Компанию ему составил пристав Толстоногов. Закуска была скромная: соленые огурчики, холодная говядина, пирожки, оставшаяся с обеда половина пирога с кроликом, парочка паштетов и моченые яблоки. В такой час не до изысков.

Полицейские выпили без тоста по рюмке, затем по второй, а там и третья успела, после чего Сыровяткин окончательно убедился, что нервам его нанесен столь существенный удар, что водка не берет ни в какую. Эту неприятность он исправил еще двумя рюмками подряд, после чего ощутил некоторую легкость в голове и на сердце, а пристав совсем развалился на стуле.

– Вот скажи мне, Владимир Андреевич, что за напасть такая на нас? – спросил Сыровяткин с тяжким вздохом.

– Так ведь оно понятно, Константин Семенович, вольности во всем виноваты, брожение мозгов, народ страх потерял, дурят от скуки, забыли вот про это... – и пристав назидательно покачал кулаком.

– Да я не о том! – Сыровяткин скривился, как будто яблоко попало кислое. – Как тебе гость столичный?

Толстоногов со значением покачал головой.

– Фрукт еще тот, – сказал он, разливая не так чтобы метко по рюмкам. – Справился у своего приятеля в столице, говорит: исключительного упрямства. И подхода к нему не найдешь. Хуже другое...

– Что такое? – насторожился Сыровяткин, поставив уже поднятую рюмку.

– Говорят, у него там... – Толстоногов осторожно указал пальцем в потолок, – высокие покровители имеются. Делай, что хочешь. Все грехи заранее отпущены. Так-то вот... Не скovyрнешь.

Сыровяткин молча закинул рюмку в рот и отмахнулся от предложенного огурчика:

– Только этого не хватало.

– Опасный субъект, с ним ухо остро. А еще говорят, однажды такое сотворил, что...

О чем болтают полицейские сплетники, Сыровяткину узнать не довелось. В приемной части раздался грохот, будто десятки кованых сапог одновременно пришли в движение, роня лавки и стулья, после чего возникла напряженная тишина, какая всегда бывает перед грозой или землетрясением. Сыровяткин только успел обменяться с приставом тревожным взглядом, как дверь в кабинет без стука открылась. И на пороге появился тот, о котором, как убедился Сыровяткин, только помянешь – а он тут как тут.

– Добрый вечер, господа, не помешал?

Полицейстер резко встал, застегивая предательские пуговицы, которые не хотели попадать в прорези.

– Никак нет, господин Ванзаров, рад вас видеть...

Приставу повезло куда меньше. Толстоногов потерял равновесие и чуть не шлепнулся об пол. Хорошо гость успел поддержать его за локоть. Волна позора окатила Сыровяткина от макушки до пяток. Надо же, так не вовремя, и такой конфуз.

- Прошу простить, - пробормотал он.

- Какие пустяки, - сказал Ванзаров, все еще придерживая Толстоногова, который никак не мог обрести твердость ног. - При резком вставании кровь приливает к голове и наводит полный хаос в мозгах. Если они, конечно, имеются.

Сыровяткин подхватил Толстоногова, который порывался отдать честь, но никак не мог попасть ладонью к виску, а тыкал ею в лоб, и поспешно вывел вон. Он вернулся не то чтобы кристально трезвым, но готовым к любым ударам судьбы. Такое уж выпало ему испытание за все годы тихой и беспорочной службы.

- Пристав... Сегодня... Толстоногов... Весь на нервах... Целый день на ногах... - пытался объяснить Сыровяткин.

Его лепетание было остановлено резким жестом.

- Константин Семенович, это ваши подчиненные, и вам виднее, кто из них и сколько способен выпить, не закусывая, - сказал Ванзаров. - У каждого свой потолок.

- А у вас какой? - спросил Сыровяткин, с ужасом понимая, что с языка сорвалась непростительная грубость. По всему видать: конец его приблизился еще на шаг.

Страшный гость ничем не выразил возмущения. Только дернул роскошный ус и еле заметно улыбнулся.

- Это секрет Департамента полиции, - ответил он. - По знакомству вам скажу: до рекорда господина Лебедева мне чрезвычайно далеко.

- Благодарю вас, - только и мог ответить Сыровяткин, испытывая и облегчение, и признательность. За понимание сложностей полицейской жизни. - Не побрезгуйте, Родион Георгиевич?

Полицейстер гостеприимно приглашал к столу.

Искушение было слишком сильным, чтобы с ним бороться. Ванзаров не побрезговал, а налил в рюмку пристава, отдал ей салют в честь хозяина кабинета, красивым и плавным движением отправил в рот, смахнул невидимые капельки с усов и вкусно закусил холодной говядиной, взяв нарезку пальцами, по-простому, без манер. Чем сильно и глубоко расположил к себе Сыровяткина.

– У меня к вам дело, как вы уже догадались, – сказал Ванзаров, жуя говядину, беря еще и прицеливаясь к пирогу.

– Дачи проверили, как вы указали... Все заперты, посторонних не было.

– Чудесно. Но это еще не все...

– Что угодно, Родион Георгиевич.

– Принесите дело барышни Агнии Вольцевой. Полагаю, она находится под полицейским надзором?

Вопрос был столь неожиданным, что Сыровяткин был сбит с толку.

– Кого? – переспросил он и, не дожидаясь ответа, исправил оплошность: – Я хотел спросить: откуда вам известно? Нет, простите, не то... Зачем она вам?

– Принесите надзорное дело, – мягко приказали ему.

Сыровяткин не стал интересоваться, есть ли у господина Ванзарова право видеть подобные секретные документы. И так все понятно. Как же не быть. Чем и доказал, что психологика не только наука теоретическая, но и практически приносящая пользу. На самом деле совать нос в дела политического надзора сыскная полиция и близко не имела права. Запрашивать его у Ратаева Ванзарову раньше времени не хотелось. По ряду соображений.

Полицейстер отпер массивный немецкий сейф и вынул довольно тонкую папку. Ванзаров развязал тесемки и раскрыл ее. С фотографии, лежащей поверх бумаг, смотрела строгая барышня с правильными, чуть восточными чертами лица. Волосы ее были убраны в строгую прическу, взгляд открытый и сильный. Если так можно сказать о взгляде. Она не была красавицей, но в ней было нечто

притягательное, что трудно объяснить в сухом полицейском описании, но которое ощущается сразу. На сестру-балерину она была похожа скорее общим выражением лица.

Ванзаров перевернул фотографию и занялся бумагами.

Справка о надзорном лице сообщала, что госпожа Вольцева, Агния Валерьяновна, 1875 года рождения, из семьи зажиточных купцов, находится под надзором полиции с 1899 года после участия в студенческих беспорядках. Вольцева примыкала к группе социал-революционеров, которая планировала убийства государственных чиновников и жандармов. В 1900 году была арестована, помещена в тюремное заключение, после чего осуждена на два года поселений. Под надзор павловской полиции Вольцева перешла в том же году. То есть вместо поселения в Сибирь ее отправили сюда. Мягкость приговора и его исполнения вызывала вопросы. Отчеты о надзираемой показывали, что госпожа Вольцева одумалась и больше не занималась играми в революцию. За два года не было зафиксировано ни одного подозрительного контакта в Павловске. Поведение ее было столь примерным, что последний отчет оказался датированным осенью прошлого года.

Ванзаров полистал скудные странички.

– Вольцева вообще из города не выезжала?

Сыровяткин издал кряхтящие звуки некоторого смущения.

– Это ж не домашний арест, обычный надзор...

Иными словами, Вольцева ездила в столицу. Только надзор за ней павловской полиции заканчивался на вокзале. А дальше, как полагал полицмейстер, ее должны были принимать филеры в столице. Все бы ничего, да только политическая полиция в Петербурге считала, что это как раз и есть долг павловской полиции. Если барышня отдана им под надзор. В результате Вольцева могла делать в столице, что ей вздумается. Если, конечно, случайно не попадала в поле зрения агентов Ратаева. Скорее всего, не попадала. Иначе с полицмейстера строго бы спросили.

Дело можно было возвращать. Ванзаров еще раз посмотрел на фотографию, чтобы заметить, быть может, что-то еще, что ускользнуло от первого взгляда.

– Мало информации о ее родственниках, – сказал он, протягивая папку.

– Почтенные родители, – ответил Сыровяткин, пряча дело в сейф. – Дочь их опозорила, что тут скажешь.

– Ее семья в Павловске не проживает.

– Так точно... Госпожа Вольцева поселилась два года назад в новеньком доме. Как сыр в масле живет.

– Иными словами, вы хотите сказать, Константин Семенович, что родители купили ей домик в вашем городе, предоставили скромный доход и пожелали забыть о ней навсегда?

Сыровяткин только развел руками: точнее не скажешь. Прав Толстоногов: умный и пронырливый господин.

– Почему они так поступили? – спросил Ванзаров.

– Кто же его знает, дело семейное, всякое бывает.

– Сестра ее часто навещала?

– Никогда не замечали.

– Балет любите?

– Какой балет? – не понял Сыровяткин.

– Императорский.

– Нет, увольте. Да и когда мне по балетам разъезжать...

– Это многое объясняет, – сказал Ванзаров, безжалостно приканчивая говядину.

Полицмейстеру аж язык жгло, как хотелось спросить: «Что же объясняет? Какую тайну ты раскрыл у меня на глазах, а я и не заметил?» Но не решился.

Ванзаров спросил, где проживает госпожа Вольцева. Сыровяткин подвел к карте городка, висевшей у него в кабинете, и пальцем провел по маршруту от полицейского участка до нужного адреса. Он еще предложил свои услуги или парочку городских, но от любой помощи Ванзаров отказался. Зато приказал, хоть в вежливой форме, вернуть городских на посты и следить в оба. Особенно за парком и больницей.

Полицмейстер обещал все исполнить в точности.

20. Нежданные встречи

Чудный теплый вечер, светлое небо подступающих белых ночей, покой и тишина. Не найти лучшего часа, чтобы пройтись по 4-й Оранской улице. По чести сказать, осматривать на ней было нечего. Дома одинаковые, как близнецы. Сразу виден современный подход: оборотистый господин купил у города участок и натыкал одинаковых домиков с верандами. Никакого изыска и воображения. Одна прибыль на уме. Никакой заботы о городской красоте.

Соображения эти мало беспокоили усатого господина непримечательного вида, который шел неторопливо и осматривал каждый дом. Так должен поступать неопытный дачник, опоздавший с выбором. Он еще надеется, что за несколько дней до сезона сможет найти что-нибудь путное по разумной цене.

Каждому жителю Павловска известен этот наивный тип отца семейства. Никак не мог собраться, а когда собрался, уже все разобрано. Так ведь еще, непутевый, забрел на улицу, где дачи не сдаются. Откуда ему знать такие тонкости. Вот пусть теперь помучается. Обитатели 4-й Оранской улицы, по причине чудесной погоды проводившие вечер на веранде и в саду, с сожалением провожали коренастую фигуру.

Господину и дела не было до чужих мнений. Он шел и знай себе посматривал. А его взгляду было что примечать.

Так, около одного дома худощавый господин в сорочке и жилетке жестким и визгливым голосом считал вслух, хлопая по голенищу сапога хлыстом. Под его счет совершала гимнастические упражнения девочка не старше двенадцати лет в легком трико с голыми руками. Она посинела от холода, но за каждое неправильное движение получала короткий удар хлыста. Девочка морщилась, но не смела остановиться, закусывала губу, продолжая взмахивать руками и приседать. Прохожий не вызвал у господина с хлыстом никакого интереса. Впрочем, как и у владельца соседнего дома, который большим ножом остругивал ветки и складывал их аккуратной стопкой. Зато дама цветущих лет с модной прической и платьем, сидевшая за чайным столиком, проводила его долгим взглядом. Пока ее не отвлек молодой человек, который принес на подносе рюмку коньяку.

Наконец прохожий остановился около дома в дальнем конце улицы. На веранде, закутавшись в шаль, сидела барышня. Дом чем-то глянулся ему. Он снял шляпу и, пользуясь отсутствием калитки, поднялся на ступеньку.

– Дача не сдается, – сказали ему громко.

Господин кивнул в знак согласия и вошел на веранду.

– Я же сказала вам...

– Прошу меня простить, госпожа Вольцева?

В полутьме веранды барышня казалась совершенно непохожей на свой снимок двухлетней давности. Женское лицо любит сумрак. Небольшие изъяны скрадываются, достоинства кажутся совершенными, а фантазия усиливает эффект. Быть может потому, что женщина и есть сумрак?

– Кто вы такой? – последовал резкий неласковый вопрос.

– Ванзаров, сыскная полиция, – господин постарался особо подчеркнуть слово «сыскная».

– Что вам надо?

– С вашего позволения, я бы хотел задать несколько вопросов о вашей сестре, Надире Валерьяновне. Это не допрос, протокола не будет. Считайте сугубо частным разговором.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Чулицкий М. Ф. – начальник сыскной полиции Петербурга в 1902 году.

2

4-й сын его императорского величества великого князя Владимира Александровича (дяди Николая II), внук Александра II.

3

Акцент жителей герцогства Финляндского, приехавших на заработки в столицу.

Особый отряд полиции, набранный из самых подготовленных сотрудников, использовался в качестве прототипа полицейского спецназа, выезжал при необходимости из Москвы в разные города страны.

Купить: https://tellnovel.com/chizh_anton/labirint-himery

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)